

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

Книга Вторая
Лихие и святые
девяностые

Глава восьмая
ВОЗЬМИ ПОСТЕЛЬ СВОЮ И ИДИ

МОЛИТВА

Новый год встретили тихо.

Пришла соседка Наташа. Я прочитал только что написанный рассказ «Молитва».

Наташа слушала внимательно, но ничего не сказала, а когда ушла, через час позвонила Марине, спрашивая, зачем я написал про нее...

Почему про нее?

Другие тоже иногда молятся...

Легли спать, а когда встали, услышали из «Новостей», что в новогоднюю ночь начался штурм Грозного.

1 января 1995 года. Санкт-Петербург

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА

Днем писал очерк «Деревня у святого камня», а вечером пошел знакомиться со священником Алексеем Морозом.

Сам он – коренной петербуржец, сын профессора, окончил институт и аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, но вот душа проснулась, он поступил в Духовную семинарию и стал священником. Начинать служить на приходе в Мородкино. Это триста с лишним километров езды на автобусе и затем – пешком через болото пять километров.

Об этом приходе, где начинался его священнический путь, и читал нам Алексей Мороз свою повесть «Записки сельского священника».

(Окончание. Начало в № 1-2, 3-4, 5-6 за 2015 г.)

Я слушал, как, проваливаясь в трясиину, бредет герой повести по утонувшей в болоте дороге, которую разрушили еще в войну и которую так и не чинили с тех пор, и полумесяц едва освещает тропинку, ведущую в болото, и зловеще ухает филин, и кажется, что это сам я вместе с героем повести повторял слова молитв...

«Пресвятая Богородица! Выручай! Покрой Своим Покровом, выведи на свет Божий! — вырвалась из сердца горячая молитва. И вдруг тихое и светлое чувство охватило душу. Мир, покой и уверенность, что всё будет хорошо, наполнили мое существо. Я встал и пошел, перепрыгивая с кочки на кочку, вперед, в глубь болота...»

Повесть, которую читал отец Алексей, была об узнавании героем повести России и самого себя. В заброшенном, споенном, оболганном и всё равно бесконечно любимом уголке русской земли герою повести и вместе с ним и нам открывались величественные народные характеры. Это и Клавдия, пронесшая в своем сердце огонек христианской веры через всю черноту, через все тяготы нелегкой жизни, это и жители деревни, спасавшие иконы во время гонений на церковь, это и те прихожане, которые помогали молодому священнику возродить приход.

Потом, когда завершилось чтение, мы говорили, что сейчас уже совершенно ясно, что целенаправленное разрушение экономики страны, ее оборонной мощи, культуры, демографического потенциала потому пока и не достигло конечного результата, что разрушительным реформам, которых не выдержала бы никакая другая страна, по-прежнему противостоят вера и молитва, продолжающие жить в душе русского человека.

Об этом и была услышанная повесть...

4 января 1995 года. Санкт-Петербург

ЗАКЛАДКА ХРАМА

Вчера закладывали в Москве храм Христа Спасителя.

В церемонии участвовали патриарх Алексий II, мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков и премьер-министр Виктор Степанович Черномырдин.

Я смотрел репортажи и вспоминал, что раньше здесь, на месте взорванного храма, был устроен открытый плавательный бассейн «Москва».

В бытность студентом Литературного института мне нередко случалось проезжать мимо и всегда становилось как-то не по себе, но зимою было особенно жутко. В морозы над открытой чашей бассейна клубился такой густой пар, что всегда охватывало ощущение развершейся преисподней.

Говорят, что вчера во время закладки храма в небе разошлись облака и над храмом засияло солнце.

8 января 1995 года. Санкт-Петербург

НОВОГОДНЕЕ ПОХМЕЛЬЕ

Еще в новогоднюю ночь начался шторм Грозного.

Лобовая танковая атака, предпринятая по приказу Павла Грачева, захлебнулась. Весь Грозный оказался заполненным нашими горящими танками.

Сотни русских солдат были захвачены дудаевцами в плен. Ну, а сколько погибло или покалечено, можно только догадываться.

Сегодня с восьми утра правительством России объявлен 48-часовой мораторий на ведение боевых действий, чтобы собрать раненых и погибших.

Как-то весьма точно подгадало к этой трагедии интервью маршала Евгения Шапошникова, прозвучавшее в программе «Вести». Оказывается, это министр обороны России Павел Грачев (шифровкой от 28 мая 1992 года) и передал дудаевцам вооружение!

Курс доллара в первые дни года поднялся до отметки 4000 рублей.

10 января 1995 года. Санкт-Петербург

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Генпрокуратура возбудила уголовное дело по статье «Вредительство» в связи с «черным вторником» 11 октября 1994 года...

В Чечне хоронят тяжело раненного в бою за Аргун сына Джохара Дудаева — Авлуря.

В Москве обострились отношения руководителя службы безопасности президента генерал-майора Александра Васильевича Коржакова и одного из самых богатых «москвичей» с израильским гражданством Владимира Александровича Гусинского.

Заголовок в газете: «Коржаков объявил, что открывает сезон охоты на гусей»...

Только вроде поздно вато уже для охоты на таких «гусей»...

14 января 1995 года. Санкт-Петербург

ПАМЯТЬ ИСПОВЕДНИКА ПРАВДЫ

Сегодня память о Филиппе (Колычеве), о котором собираюсь писать книжку.

С утра ходили в Тихвинскую церковь...

Как и перед поездкой в Оптину пустынь, перед очерком «Оптинская трагедия» отец Владимир как бы напутствовал меня на работу над книгой об исповеднике правды.

Вечером — отец Алексей Мороз.

Закончил редактуру его повести «Записки сельского священника».

Потом пили чай.

21 января 1995 года. Санкт-Петербург

ПЕРЕДЕЛКИНСКАЯ НОЧЬ

Так хорошо зимой в Переделкино!

Приехал из Москвы уже около полуночи. Шел по тропинке вдоль железнодорожной линии, потом повернул к кладбищу на шоссе и всё не мог налюбоваться звездами.

И пейзаж почти как в стихах Бориса Пастернака:

*Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе
И небо над кладбищем, полное звезд...*

Такая хорошая, почти рождественская ночь. Мороз. Тишина. И только громко-громко скрипит снег под ногами.

25 января 1995 года. Переделкино

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНЬЯ

Говорил сегодня вечером по телефону с Мариной.

Вроде пока все тихо, никаких тучек не собирается...

— Только...

— Что только?

— Наташу Карпову у нас убили...

— Как убили?! Почему?!!!

— Никто не знает... Она с литургии домой шла...

Я знал Наташу более двадцати лет, но виделись мы редко, и в последний раз — на литур-

гии в церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади, уже в этом году.

Здесь, в храме, она и подарила свою последнюю книгу «Над темной водою канала».

Надпись на книге очень простая: «Дорогим Коле и Марине с радостью новой встречи», но сейчас, после смерти Натальи, обретающая особый, сокровенный смысл. Как и сами стихи ее, в которых Наталья оглядывается на нас словно бы с высоты отлетающей к Господу души:

*Нет оправданья растленной душе,
Нет порицанья — смиренной.
Град, словно россыпи, горки драже,
Голос пожарной сирены...
Застит дорогу разверзшийся град,
Ветер свирепствует лютый.
Город Петра, мой немислимый град!
Здесь и дела, и маршруты.
Путь к покаянью сквозь годы потерь,
Опыт и крохи смиренья.
Только б войти через узкую дверь
К Господу, без преткновенья.*

Пока я молчал, пытаюсь свыкнуться с новостью, Марина сказала, что Наталью еще в воскресенье убили, 5 февраля 1995 года, как раз в день поминовения новомучеников и исповедников российских.

8 февраля 1995 года. Переделкино

ПОСЛЕ БАЛА

В Переделкино старые приятели — Борис Сиротин, Александр Сегень, Виктор Калугин, Надежда Мирошниченко, Николай Шипилов и его жена, Таня Дашкевич.

Еще здесь моя первая жена Таня Митрофанова со своим, кажется, уже четвертым мужем. Он, наверное, хороший мужик. Но какой-то заторможенный, совсем не богемный...

Играем с Александром Сегенем в бильярд и шахматы.

Иногда захожу к Шипиловым, слушаю, как они поют свои песни...

*Никого не пощадила эта осень,
Даже солнце не в ту сторону упало.
Вот и листья расплозаются, как гости
После бала, после бала, после бала.*

*Эти двое в темно-красном
Взялись за руки напрасно:
Ветер дунет посильней, и все пропало.
А этот в желтом одинокий
Всем бросается под ноги —
Ищет счастья после бала, после бала.
А один совсем зеленый,
Бурным танцем запаленный,
Не поймет, куда летит — куда попало...
И у самой двери рая
Не поймет, что умирает:
Как же можно после бала, после бала?*

Эта песня написана Николаем давно, еще при советской власти, но такое ощущение, что мы все, сегодняшние, вмещаемся в нее.

9 февраля 1995 года. Переделкино

СОН, КОТОРЫЙ НЕДОСМОТРЕЛ

Ночью проснулся от каких-то странных звуков...

Только прислушавшись, понял, что это бьет сердце, отдаваясь ударами по всему телу.

Пока прислушивался, начисто позабыл сон. Одно и осталось в памяти. Будто кто-то перелистывал наверху книгу судьбы. Моей судьбы...

Утром в столовой за завтраком рассказал свой сон соседу.

— Это не книгу судеб листали... — сказал он.

— Это из автомата ночью стреляли. Я тоже проснулся.

— А кто стрелял? В кого?!

Сосед пожал плечами.

— Мы же недосмотрели сон... — невесело пошутил он.

11 февраля 1995 года. Переделкино

РУБЦОВ, ЧЕЧНЯ И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Отправился я на Комсомольский проспект, где в «Горнице» должно было проходить обсуждение моего «Путника на краю поля».

Перед обсуждением сидел у Сергея Лыкошина, который рассказал о вчерашнем вечере в Академии имени Жуковского, где Павлу Сергеевичу Грачеву так понравился патриотизм наших писателей, особенно когда они провозглашали тосты за русскую армию, что он начал целоваться с ними.

Видимо, лицо у меня вытянулось, когда я услышал об этом успехе писателей-патриотов,

потому что Лыкошин поспешил рассказать, что уже был подготовлен президентский указ о борьбе с русским фашизмом и к нему — около ста страниц текста приложения, в котором расписывалось: кто в правительстве и за какой участок борьбы с фашизмом отвечает. И только Чеченская война помешала Борису Николаевичу Ельцину подписать этот указ.

В принципе, про указ говорили и раньше, я не знал только, что готово было и приложение к нему...

Но, услышав, сразу поверил. Очень точно по времени это совпало с переменами в моем приятеле из ФСБ. Как раз в эти дни он как-то резко прекратил наши приятельские отношения.

Впрочем, другой мой знакомый из ФСБ в свое время всерьез доказывал, что события 1993 года надо рассматривать в свете борьбы с чеченской мафией в Москве, и в это тоже вполне можно было поверить.

Разумеется, роль чеченцев в современной русской истории еще только предстоит оценить, но все равно целоваться с Павлом Сергеевичем, расстреливавшим Белый дом, наверное, не стоило, тем более, что Сергей Лыкошин не сам целовался с ним, а, так сказать, сразу за весь Союз писателей России.

Ну, а обсуждение моей повести — увы! — оказалось смятым, потому что едва оно началось, как все наши секретари спустились в ресторан — оказывается, приехал помощник Павла Сергеевича Грачева.

Тем не менее кое-кто остался, не польстившись на дармовую грачевскую выпивку. Станислав Золотцев очень хорошо говорил и насчет моего Рубцова, и насчет банкета, что уже всю шумел внизу.

— Не укладывается в голове! Вчера Грачев стрелял в нас из танков, а сегодня мы братаемся с ним!

Я тоже хотел сказать о Грачеве, но мое выступление — я говорил, как мне жалко, что погибшие в Чечне солдаты так и не успели прочитать стихи Николая Рубцова! — по-моему, так и не услышали.

То ли я говорил невнятно, то ли шум снизу, из ресторана, заглушил их.

24 февраля 1995 года. Москва

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ СМЕРТЬ

В подъезде собственного дома на Новокузнецкой улице убили генерального директора Акционерного общества «Общественное российское телевидение» Владислава Листьева.

Событие не веселое, но печаль приобрела сразу какой-то истерически визгливый характер. Одна телевизионная мадам договорилась до того, что у Листьева текла в жилах чистейшая телевизионная кровь.

Лягнула, конечно, но ведь как точно подошло!

Действительно, судя по тому шабашу, который поднялся на телевидении, оплакивают не человека, а некое особое, телекровное существо.

Вся телекровь вытекла, и помертвели запечатанные портретами Листьева телевизионные экраны...

1 марта 1995 года. Санкт-Петербург

«НЕ ИЩА ДРУГИХ БОГАТСТВ...»

Борис Ельцин пообещал найти убийц Владислава Листьева и для этого отстранил от должности начальника ГУВД Владимира Панкратова и прокурора Москвы Геннадия Пономарева.

Ну, а у нас в городе убийц Наташи Карповой, конечно, никто и не ищет, да и вообще смерти ее не заметили ни телевидение, ни газеты. Только в «Вечернем Санкт-Петербурге» появилась статья Михаила Чулаки, руководителя Союза писателей Санкт-Петербурга.

«Совсем недавно ранним воскресным утром убили у нас в городе прекрасную поэтессу, спешившую к заутрене, чтобы помолиться Ему. Невозможно не думать, что, останься она атеисткой, нежилась бы в постели, вместо того чтобы идти к заутрене, — была бы жива и сейчас».

Еще в своей статье Михаил Чулаки предостерег, что «вера во всемогущество Бога, который всё устроил по своей воле», совсем небезобидна, — но стоит ли говорить об этих достойных пера Емельяна Ярославского «откровениях», если статья так и называлась — «Неверие — счастье, которое всегда со мной»...

Сегодня, 2 марта, в Институте культуры (теперь, кажется, академии) состоялся вечер памяти Натальи Карповой.

Звучали стихи, молитвы, горела перед иконой свеча.

На сцене стоял большой портрет Натальи.

Я был знаком с ней больше двадцати лет, но

с таким светлым, простым и чистым лицом, как на этой фотографии, не помню ее. Может быть, виною моя невнимательность, а может быть, таким и должно было открыться ее лицо уже после смерти...

И горела, горела свеча перед иконой, все ниже опускался трепетный огонек...

А я смотрел на свечу, смотрел на одухотворенное и светлое лицо на фотографии и думал: ну что нам глупая газетная статья? В последнем стихотворении своего сборника Наталья Карпова сама, лучше любого из нас, ответила Михаилу Чулаки:

*Стоит человек,
словно полуразрушенный храм,
Душа не здорова,
отравой пропитано тело.
Строитель грядущего —
прошлый и нынешний хам,
Взращенный страной,
где, как птицы,
свистели расстрелы...*

И вот вспоминаешь последние стихи Натальи Карповой:

*...не ища других богатств.
Радость обретения и мука,
Покаяние, стяжанье духа —
Вот наш путь, другое —
Бог подаст...*

— сравниваешь эти стихи со статьей Михаила Чулаки и видишь, каким скудоумием обрачивается мысль человека, хулящего Бога, и каких высот достигает она, когда человек обращается к Православию.

2 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПРОДОЛЖЕНИЕ ШАБАША

Заключил с Александром Андреевым договор на книгу «Русская дуэль».

Ходим вместе с Мариной в библиотеку. Надо что-то делать для «Московского железнодорожника», надо отрабатывать жалованье.

Продолжается телевизионный шабаш по поводу убийства Влада Листьева.

Интересно, что и хоронили-то его в очках.

Так и лежал в гробу...

3 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПАТРИОТЫ

Был сегодня в гостях.

Хозяин — русский патриот, как он себя называет, на угощение не поспешил. Мы сидели у богатого стола, закусывали и внимали изрекаемым хозяином мудростям.

— Нет! — говорил он. — Что вы ни говорите, а у меня к священникам доверия нет. Не нравится мне, понимаете, что у них как в магазине всё. Крещение столько стоит, отпевание столько! На всё — своя цена. Нехорошо это... А вот в мусульманстве, там бескорыстие полное. Там некоторые муллы даже глаза себе выкалывают, чтобы от земных благ отрешиться. Это я понимаю. Это настоящая святость!

Лично я никогда мусульманством не интересовался, но сейчас, глядя на бутерброды с черной икрой, которыми так щедро был украшен стол, мне стало нестерпимо жалко ослепляющих себя проповедников Корана.

— Где же вам такое рассказали? — поинтересовался я. — В мечети? Или в Коране это написано?

— С какой стати я в мечеть буду ходить? — обиделся хозяин. — И Корана я не читал... У меня на работе коммерческий директор — азербайджанец, он и рассказал, когда мы о религии заговорили.

— Ага! — сказал я, хотя меня и дергали за рукав. — Значит, азербайджанец своих мулл вам расхваливал, а вы ему наших священников ругали?

— А чего мне этих тунейдцев хвалить? Они только и умеют народ обирать!

— Ну, вообще-то они служат, — сказал я. — Еще и требы исполняют...

— Что?! — сказал хозяин. — Служат? Требы? А толку-то? Какую они практическую пользу приносят?

И он самодовольно откинулся на спинку кресла, разглядывая меня и как бы приглашая возразить ему.

— Но позвольте... — воспользовался я его приглашением. — А спасение души? И вообще, что такое — практическая польза? Кусок колбасы? Кастрюлька? Какая практическая польза от того, что я пишу книжки? А вы? Вы приносите практическую пользу?

— Мы... — усмехнулся хозяин. — Сейчас, когда всю оборонку развалили, мы только выжить пытаемся. В этом и польза, чтобы кадры сохранить. А раньше да! Раньше мы на оборону

страны работали. На всех противоракетных комплексах наши изделия стоят. Ни у кого в мире таких нет!

— Это не на тех ли комплексах, которые наши буржуи теперь в США продают? — ехидно поинтересовался сидевший напротив меня мужчина.

— На тех самых! — ответил хозяин, и лицо его как-то сразу потемнело. — Вот ведь сволочи! Все государство на корню продали! Предатели!

Негодование его было неподдельным. Он даже встал, чтобы удобнее было жестиковать. И речь он сказал просто отличную. И о коррумпированности властей там было, и о предательстве национальных интересов России, и о маргинальных группах, что и довели страну до катастрофы.

Умно говорил хозяин и почти так же складно, как на митинге. И когда кончил говорить, все уже позабыли, из-за чего разгорелся спор. Очень хорошо всё было сказано хозяином, всё правильно сформулировано, да и закусить хотелось поскорее.

Единодушный порыв патриотизма сплотил всех, сидящих за столом. Зазвякали рюмки.

— Получается, значит, что эти маргиналы-предатели и сделали вашу работу ненужной? — попытался я вернуться к началу разговора.

— Да... — дружески улыбаясь мне, ответил хозяин. — Получается так. Предали Россию, сволочи!

Глаза его от выпитой водки, от полноты нахлынувшего чувства затуманились.

— Верушка... — попросил он жену. — Поставь-ка нашу.

Это означало, что серьезные разговоры закончены и наступило время песен.

Но я все-таки гнул свое.

— Предали... — сказал я. — А мы разве не предаем Россию, когда слушаем восхваления протестантизма, мусульманства, а сами при этом ругаем своё православие? Разве это не предательство России? Разве...

— Нет-нет! — не слушая, перебил меня хозяин. — Не этот диск, Верочка. — И только потом он повернулся ко мне. — Не будем больше об этой религии говорить... Что я могу сделать, если мне опы не нравятся?!

И он так мягко, так добродушно и обезоруживающе улыбнулся, что я почувствовал бесполез-

ность любых слов, любых аргументов. Тем более что никто уже и не слушал меня. Уже полился из колонок хрипловатый голос Окуджавы.

Когда запели про комиссаров в пыльных шлемах, я встал из-за стола. Разыскал в прихожей куртку и вышел из квартиры.

На улице морозило. Небо было чистым, и в нем робко помаргивали первые звездочки. Откуда-то сверху, должно быть из раскрытой форточки, неслось пение:

*Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья.
Чтоб не пропасть поодиночке...*

Я перекрестился и побрел в сторону метро.

Как-то некстати вспомнилось, что «широк русский человек, широк»... Нестерпимо, самоубийственно широк!

Это уж точно...

4 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ездили с Мариной в Спасо-Парголовскую церковь.

Ну, конечно, никого из наших, из Православного общества, нет. Даже отец Анатолий Трохин — у него с женой проблемы! — не пришел.

Но в храме — чин прощения вел отец Василий Лисняк! — тесно было.

Когда закончился чин прощения, с трудом выскользнул из толкотни на улицу. Ожидая заставшую в толпе Марину, присел на скамеечку.

Уже стемнело.

Но все равно вокруг весна — тает снег, народ расходится из церкви...

Действительно, Прощеное воскресенье¹.

5 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПОКАЯННЫЙ КАНОН

Что-то непостижимое происходит во время чтения покаянного канона Андрея Критского.

В бесконечном повторении: «Бог — Троица воспевается как Троица простая, нераздельная, единосущная, единая естеством, как свет и свет и — три святы и едино лицо свято; но, душе, воспой, прослави жизнь и жизни — Бога всех», — открывается что-то неуловимое и непознаваемое, и не можешь понять, и невозможно не понять это, и только, прислушавшись к себе, по-

нимаешь, что это понимание-непонимание происходит не в голове твоей, а в сердце.

Не рассудком постигаешь непостижимое, а ощущениями, чувствами...

И только огонек лампы перед иконами — свидетельство этого постижения.

7 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ

Вставать было трудно, но встал. Пришли в церковь, и ничего не могу понять, ничего не узнаю.

Даже испугался.

Но все в порядке. Оказывается, попали на Литургию Преждеосвященных Даров.

Исповедался. Покаялся и в прежних — до крещения — грехах.

Издательство «Андреев и сыновья». Получил 300 000 рублей.

Дома дописал железнодорожную эпопею. Вроде бы хорошо получилось, только название не придумывается.

Смотрел «Новости»...

Наконец-то Государственная дума освободила Сергея Ковалева от должности уполномоченного по правам человека. Сообразили, видимо, что одной русофобией права человека не ограничиваются.

Такой вот хороший — после исповеди, после причастия — день.

Вечером молились, и я поймал себя на ощущении, что смотрю на иконы святых как на дорогих и близких людей.

10 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ТАКОЕ ВРЕМЯ

Засиделся у приятеля в мастерской...

Всё казалось, немного времени прошло, но потом выяснилось, что часы стояли.

Вышли на улицу. У одного прохожего спросили, который час.

— Не знаю... — отвечает. — Часов нет.

С другим — такая же история, с третьим... Так и дошли до метро, не узнав времени.

Вообще-то, я и раньше замечал, что теперь: «Который час?» на улице чаще спрашивают, но чтобы уж такое полное «бесчасие»?!

Нет, не ожидал...

И ведь дело тут не только в том, что часами «пообносился» народ, что прежние полома-

¹ Это была наша последняя встреча с отцом Василием Лисняком. Через два месяца он ушел из земной жизни.

лись, а покупать новые или ремонтировать старые уже не по средствам.

Видимо, просто изменился самый ритм жизни.

Многим в наше время уже ни к чему торопиться, каждый в своём времени живет, где не надо никуда спешить, где невозможно опоздать на службу.

11 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ДЕМОКРАТИЯ

— Что такое демократия?

— Ну, как тебе объяснить... Это вообще-то, если не по ученому определению, а по сути, не вполне и уловимо... Сегодня демократия — одно, а завтра, может быть, — совершенно другое.

— А-а... Понимаю... Это как когда выгоднее тем, кто у власти?

— Ну, примерно так... Полная демократия, одним словом, с этой демократией.

12 марта 1995 года. Санкт-Петербург

РСИЯ

Дочка приятеля учится в лицее, и учится хорошо. Одни пятёрки в дневнике...

Но недавно, пожаловался приятель, четвёрку с минусом принесла.

— А что случилось, Маша? В чём дело?

— Слово трудное попалося...

— А почему четвёрка с минусом, если только в одном слове ошиблась?

— Так я в этом слове не одну, а три ошибки сделала...

— Три ошибки?! В одном слове?!

— Ага...

— Что же это за слово?

И Маша показала тетрадку...

«Я живу в Москве... — прочитал я. — Это столица Рсии. Я учусь в лицее. Я люблю смотреть телевизор и очень люблю марсы и сникерсы».

— Маша! — только и сказал я. — Как же ты умудрилась в таком слове ошибиться? Да еще три раза! Это же ужасно!

— Ага... — виновато сказала Маша. — Учительница тоже так считает. Она говорит, что никто из детей больше двух ошибок в этом слове не делает.

И она сокрушённо вздохнула...

Вздыхнул и я.

Бедная, бедная наша Рсия...

14 марта 1995 года. Москва

ТАКОЙ БОЛЬШОЙ, ТАКОЙ СОЛНЕЧНЫЙ СНЕГ

С утра получил в «Крыше» \$250 за очерк «Деревня у святого камня» и на командировку. Потом еще 100 000 рублей в «Северных просторах», тоже на командировку.

Потом помчался в «Мож», чтобы купить билеты, но ближайший поезд на Сыктывкар отправлялся только на следующий день.

Отдал Столярову подборку стихов Глеба Горбовского, очерк о начале строительства железных дорог, потом сидел в своем отделе культуры, обзванивал знакомых, писал вступление к очеркам Андрея Платонова, сокращал свой рассказ «Последний бой».

Ночевал у Андрея Поздняева.

Наконец поезд.

И вот уже Ярославль, Волга, на волжской протоке еще лед, там сидят рыбаки.

И всего-то ничего отъехали от Москвы, а уже за Ярославлем снега большие, сильные, совсем еще не тронутые весенними оттепелями. Необозримо лежат они, куда ни помотришь.

Такой большой, такой солнечный снег.

Но странно, именно здесь особенно остро чувствуется весна.

Гораздо сильнее, чем в Москве или Питере...

15 марта 1995 года. Поезд Москва—Сыктывкар

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ СВЕТ

Как свидетельствует Епифаний Премудрый, подъезжая в 1390 году к Москве, святитель Стефан Великопермский вспомнил, что верстах в десяти, в стороне от его дороги, остаётся Троицкий монастырь, где жил тогда преподобный Сергей Радонежский. Времени заехать уже не оставалось, и Стефан приказал остановиться. Сойдя с повозки, сотворил молитву, а потом благоговейно поклонился в сторону монастыря.

— Мир тебе, духовный брате! — сказал он.

Сергий Радонежский в это время находился в трапезной.

Прервав трапезу, на глазах у изумлённой братии он встал вдруг и, сотворив молитву, произнёс:

— Радуйся и ты, пастырь стада Христова, и мир Божий да пребывает с тобою.

Когда же братия приступила к нему, прося объяснить, что это значит, преподобный Сергий ответил:

— Это Стефан-епископ, спешащий в Москву, остановился на своём пути и поклонился Святой Троице и нас, грешных, благословил...

Вот подлинные слова четы миинеи об этом: ученики Сергия «уведаша истинно бывшую вещь и удивляхуся о прозорливом даре, отцу их от Бога данным».

Удивляемся и мы, видя, чего достиг креститель коми-зырян святитель Стефан своей праведной жизнью за двенадцать лет апостольского служения.

Он скончался вдалеке от своих крестников, в Москве и погребли его в Кремлёвском монастыре, Спаса на Бору... А дело Стефана — создание национальной Пермской Церкви — продолжили его последователи.

Двое из них — Герасим и Питирим — стали святыми.

Святой Питирим погиб в 1445 году во время набега вогуличей на Усть-Вымь.

Тогда, после литургии в Усть-Вымском соборе, епископ Питирим говорил проповедь под открытым небом, на мысу у реки, за чертой городских укреплений...

В это время поднялись по реке воины вогулического князя Асыки. Паства разбежалась, ища спасения в городе, но святой Питирим остался на молитве, чтобы встретить убийц словами увещевания.

Он был убит, но Усть-Вымь вогуличам взять не удалось.

И этот подвиг святого Питирима — продолжение торжества того света истинной веры, который принёс святитель Стефан на пермскую землю, того далекого света, отблески которого и в пору большевистского лихолетья различал я на лицах своей зырянской родни, приезжавшей в Питер, того света, который разгорается над северной землёю сейчас...

15 марта 1995 года. Поезд Москва—Сыктывкар

КОМЯЦКИЕ ЧАСОВНИ

Из рассказов отца и тети Пани помнил я, что леса по Выми и по Вычегде дремучие, темные, реки холодные и могучие, зимы морозные и снежные, жители редкие.

Без молитвы трудно человеку в таком краю.

И молитва здешняя не чета той, которую мы в городах читаем, в этой молитве не только слова,

а и леса дремучие и темные, реки холодные и могучие, зимы морозные и снежные...

«Шел однажды мужик по лесу, смотрит на пенёчке старичок белобородый сидит.

Поздоровался, сел рядом.

— Ты, дедушка, чей будешь?

— Нешто не признал? — старичок спрашивает.

— Дак обличье вроде знакомое... — почесал в затылке мужик. — А чего в лесу делаешь?

— Дак тебя сижу и жду ...

— Меня?!

— Тебя, тебя, добрый человек. Только ты долго чего-то шел...

— Байну рубил... — мужик отвечает. — Свояк попросил. К завтрашнему Николе, на именины, помыться хотел свояк в своей байне, дак задержался я, доделать хотел... А ты, дедушка, живешь-то где?

— А нигде не живу, сынок, негде мне жить... Срубил бы мне, мил человек, какую-нибудь часовенку...

— Ты погоди, дедушко... Ты это... Скажи прямо, кто ты...

— Дак праздник завтрешний я, вот кто... — ответил старичок белобородый и исчез, и только тут мужик и сообразил, что с самим Николой-угодником разговаривал...»

— Тут же и принялся мужик часовню рубить, благо топор с собой был, — завершала свое повествование тетя Паня. — Так и появилась у нас, Миколя, часовня Николы-чудотворца...

— Это та часовня, на берегу Вычегды, про которую ты рассказывала?

— Нет! Там другая... Ту поставили, когда святитель Стефан приходил... Наши-то мужики некрещеные были, дикие совсем... Ругаться стали, чего он пришел. А святитель встал на камень у берега да и поплыл встреч течения. Тут-то и дошло до лешаков наших, чего они с пьяных глаз натворили. Чтоб покаяться, и поставили часовню там!

— А еще часовни были у вас, тетушка?

— Дак ведь были, конечно... В лесу, на источнике, часовня Михаила-архангела стояла! Видная часовня была...

— И что, тоже, наверно, чудеса там происходили какие-нибудь?

— Ой, не знаю, Миколя... Вода-то, конечно, целебная там. Как на крыльях из-под земли шла! А чудеса? Не... Не слыхала! Люди-то ска-

звали, что Михаила-архангела там часто видели... Нешто он будет еще и чудеса показывать?

15 марта 1995 года. Поезд Москва—Сыктывкар

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Стоял в коридоре у окна.

Двери в соседнее купе были открыты.

Там семья ехала.

Он — плечистый мужчина в пятнистой форме с эмблемой пермского ОМОНа на рукаве, его молодая, красивая жена и их сынишка лет пяти...

Как я понял из разговора, омоновец из чеченской «командировки» возвращался, а семья его в Москве встретила.

— Странная какая-то жизнь теперь стала! — глядя в окно, сказал омоновец. — Помнишь, Маша, раньше на юг мы только купаться ездили, ну еще фруктов поесть, а теперь?

— Папа, — спросил у него сынишка, — а я, когда вырасту, тоже на юг поеду?

— А как же... — ответил омоновец. — Обязательно!

— Купаться?

— Не знаю, сынок... — вздохнул омоновец. — С купанием, пожалуй, ничего не получится, если и дальше так дело пойдет. Зато пострелять — постреляешь!

— Ну, для этого, может быть, и ехать никуда не придется... — сказала мать и погладила сынишку по голове. — Этого дела и дома хватит...

— Может, и так... — согласился омоновец. — Всё может у нас быть.

16 марта 1995 года. Поезд Москва—Сыктывкар

ВЕРА — ЭСКОМ

Одно из самых первых впечатлений от Сыктывкара — общение с редакцией газеты «Эском».

Эском — это вера на языке коми.

Работают в газете Игорь Иванов и Михаил Сизов. Игорь — редактор. Михаил — заместитель. Кроме этого, они — друзья.

Когда случились октябрьские события 1993 года, решили, что отмалчиваться нельзя, надо сказать, что думают.

Игорю тогда как раз по местному телевидению предложили выступить.

— Газету могут закрыть... — предупредил Михаил.

— Могут! — согласился Игорь. — Мы так сде-

лаем, если газету закроют, ты сразу перерегистрируешь ее под другим названием. Ты редактором будешь, а я — заместителем.

Пожали друг другу руки, и Игорь поехал на телевидение.

Слава богу, ничего страшного не случилось. Не закрыли газету. Не потребовалось ее перерегистрировать.

Но тут не только о газете речь. Тут самое важное — отношения, уверенность друг в друге. Это, пожалуй, самое ценное и самое православное в этой истории.

16 марта 1995 года. Сыктывкар

ЗАШТАТНЫЙ БАТЮШКА

В редакции газеты «Эском» и услышал я от Михаила Сизова об отце Сергии.

Восьмидесятичетырехлетний батюшка собирается на приход в далекое село Муёлдино, чтобы наладить там — в селе многие не понимают по-русски — церковную службу на языке коми.

Господи! Да ведь так же было и во времена святителя Стефана Великопермского, который возгорелся донести Слово Божие до людей, не знающих русской речи.

Желание благое, а дело великое.

Тяжкою непроницаемой преградой отделяет язык нерусских христиан от православия, и можно ли переоценить стремление отца Сергия, считающего, что коми язык сам должен засиять светом православия, как и во времена святителя Стефана?

Подобно своему великому предшественнику, много лет готовился отец Сергий к этому. Составлял и записывал на коми языке проповеди, доделывал перевод Божественной литургии.

— В детстве-то я, ой, смешной был, — рассказывал отец Сергий, бродя между узлами, сложенными на полу в городской квартире. — Знаете, как играть-то любил? Материн платок накину — вот и ряса мне. А жили как? Электричества не было, керосиновых ламп и тех не знали. Лучинами освещались. Дак я лучину возьму и бегаю, размахиваю, как кадилом... Мать увидит меня и заругает:

— Избу ведь спалишь.

— Не, мама, — отвечаю. — Бог даст, не спалю.

— А и то верно, — скажет мать. — Ничего против

Божией воли не делается. Только лучину-то положи, и без нее у тебя гораздо добро получается.

Я лучину положу и пою «Иже херувимы...».

— Они херувимьяс, они херувимьяс, — дребезжащим голосом затянул отец Сергей. — Троица водзын сулалоны. Троица водзын сулалоны...

Всё было в долгой жизни отца Сергия. И трудная, совсем не прямая дорога к церкви, и война, и ранения, и всевозможные лишения, и лишение регистрации в хрущевские времена... Только когда уполномоченный по делам религии попал на лечение в психиатрическую больницу, и вернулся отец Сергей к службе. Одиннадцать лет прослужил он в селе Иб, пока не уволился в заштат по старости...

Вот такая биография.

Обычная биография сельского батюшки.

Уйдя на пенсию, отец Сергей перебрался к дочери в Сыктывкар. Здесь схоронил жену, матушку Марию, и вот — ему уже перевалило на девятый десяток — было видение, что останется жить всего три года, и видение это истолковал отец Сергей как знак вернуться туда, где еще в детстве ангел трижды обвел его вокруг храма, и наладить в заброшенном храме церковную службу на коми языке.

И все, кажется, совпадало. И приход пустовал, и помощник хороший сыскался.

В общем, подал отец Сергей прошение и начал вязать узлы, не слушая уговоров дочери, боящейся отпускать от себя престарелого отца.

Но так было еще вчера, когда Михаил Сизов договаривался о встрече, а сегодня выяснилось, что благочинный отложил назначение.

— А причину не объяснили? — не скрывая своего расстройств, спросил Михаил.

— Такая уж это причина, обыкновенная, — вздохнул отец Сергей. — По старости, конечно... Бойтся, что пошлет и не знает чего будет!

Отец Сергей и не скрывал своего расстройства, огорчение сделало его совсем дряхленьким, и я, чтобы не смущать батюшку, взял альбом с фотографиями и проповедями и раскрыл его.

Раскрылся альбом на проповеди о женах мироносицах.

«Став муньясыс Пасха и Вознесение праздника костын торьялоны особой югид...» — прочитал я очень понятные слова о той светлой радос-

ти, что наполняет нас после праздника Пасхи...

Если бы поехал отец Сергей на приход, как собирался, наверное, к Пасхе и поспел бы начать службу, и, может быть, эта проповедь и стала бы первой его проповедью в Муёлдино.

Но не получилось поехать...

Слова этих проповедей произнесет в Муёлдино, должно быть, кто-то другой...

— А я ведь как решил... — словно услышав меня, сказал отец Сергей. — Господи, говорю, если угодно Тебе, чтобы я послужил, пошли мне знамение... Ноги у меня сильно болят... Сделай так, чтобы выздоровел я! А я, видишь вот, не выздоровел. — И улыбнулся тихо и смиренно. — Ноги как были опухшие, так и остались. Видно, негодно Господу мое решение. Что ж, всё в воле Господней...

И вместе с этой кроткой улыбкой пропала растерянность, и снова лицо отца Сергия не то чтобы помолодело, а как-то отвердело, стало похожим на то, которое я видел на фотографиях, где стоит отец Сергей во время совершения служб.

В Евангелии сказано: «Мои пути — не ваши пути...»

Слова эти для людей, замкнувшихся в своем своеволии, кажутся жестокими и не слишком приятными, но ведь не человеком и сказаны они...

А на улице по-прежнему сияло веселое весеннее солнце. Пробираясь через проходы в высоких сугробах скопившегося здесь за зиму снега, мы поплутали в снежном лабиринте, пока выбрались к остановке.

— Все-таки хорошо, что заглянули к батюшке, — сказал Михаил. — Хоть отвлекся он с нами.

Я кивнул. Не знаю, как для батюшки, но для меня неслучайной оказалась наша случайная встреча. Воочию увидел я не только дерзостный, ошеломляющий своей смелостью замысел, но и самую смиренную красоту неприметной, совершающейся в полной Божией воле жизни.

И что другое была наша встреча, как не проповедь?

Та проповедь, которую ежедневно и ежечасно осуществляют наши православные батюшки самой своей жизнью, независимо от места, занимаемого ими в иерархии.

17 марта 1995 года. Сыктывкар

ЖУТКАЯ МЕТАМОРФОЗА

Самая главная цель моих командировок — работа с архивными делами репрессированных родственников, что хранятся в здешнем архиве.

После встречи с отцом Сергием пришел в управление ФСК² по Республике Коми, и мне показали двадцать шесть пухлых томов, которые мне предстоит изучить.

Основную массу в этой библиотеке занимают приобщенные к делу сочинения деда Ивана Алексеевича Шергина, но и дела, впитавшие в себя кровь и жизни моих дядек, тоже достаточно объемны.

Дела эти никто не чистил, и в них сохранились даже оперативные разработки.

«Совершенно секретно. Уполномоченному оботдела ГПУ по Усть-Вымскому уезду.

В доме бывшего урядника-контрреволюционера, где и собирался кружок евангелистов, гражданина Гамской волости и села Коняева Максима Степановича живет уже около полутора месяцев какой-то тайный адвокат, старик с постриженной седой бородой. По слухам выясняется, будто бы из Серегово — Шергин Иван Алексеевич, который ведет какую-то тайную работу, разъезжая по волостям, собирает всякие сведения, критикуя власть, а особенно коммунистов.

Кроме того, замечается: устраиваются тайные совещания-сборища в доме гр-на Коняева Максима Степановича, которые посещают самые вредные и опасные элементы как для советской власти, так же для коммунистов...»

Читаешь этот донос, и замирает сердце, когда заглядываешь в тот мартовский день далекого двадцать пятого года...

Ведь «бывший урядник-контрреволюционер» — это мой дед, Коняев Максим Степанович; «старик с постриженной седой бородкой» — скрывающийся в бегах от ГПУ Иван Алексеевич Шергин. А где-то там, в доме, не удостоенный стукачом Матвеевым упоминания из-за юного — ему тогда было шестнадцать лет — возраста, мой отец.

И вот невольно ловишь себя на том, что испытываешь — как это ни кощунственно звучит! — даже некую признательность сотрудникам ГПУ! Ведь это благодаря их труду и удастся заглянуть в затянутое неразличимой тьмой беспамятства прошлое семьи. Читаю дела своей расстрелян-

ной, погибшей в лагерях родни и узнаю имена родственников, про которых никогда и ничего не слышал, различаю их голоса.

Но еще сильнее ощущение кромешной жути от этой метаморфозы палачей в летописцев, затянутых в форму сотрудников НКВД...

17 марта 1995 года. Сыктывкар

ОППОЗИЦИОНЕР

Надо было попасть в организацию, что размещалась, как мне объяснили, рядом с Домом правительства.

Выглядев подходящее здание, я остановил солидного мужчину и спросил:

— Извините... Это Дом правительства?

— Какого правительства?! — спросил в ответ мужчина.

— Как какого?! — удивился я. — Местного... Вашего правительства...

— Нет! — покачал головой мужчина. — У нас правительства нет. Нами одни бандиты теперь управляют.

Оно, конечно, приятно вот так, походя, выяснить, что оппозиция, оказывается, не только в Москве, но и здесь, в Сыктывкаре, имеется. Однако мне важнее было сориентироваться сейчас на местности, и поэтому я переделал свой вопрос:

— Ну, а бандиты ваши здесь сидят?

— Бандиты-то? — подозрительно посмотрев на меня, переспросил мужчина. — А кто вас знает, где вы теперь сидите...

17 марта 1995 года. Сыктывкар

УЛЬЯНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вместе со скаутами поехал на автобусе в Ульяновский монастырь.

Как и все дело святителя Стефана Великопермского, история Ульяновского монастыря, основанного им, сходна со светом возжигаемой свечи.

Монастырь назывался первоначально монастырем Спаса Нерукотворного Образа, но в 1445 году во время набега вогуличей на Усть-Вым князек Асыка захватил себе в жены Ульяну, дочь

² 21 декабря 1993 года указом Бориса Ельцина Агентство федеральной безопасности Российской Федерации было упразднено и на его месте создана Федеральная служба контрразведки Российской Федерации, которая 3 апреля 1995 года будет переименована в Федеральную службу безопасности РФ.

священника. Когда лодка с пленницей проплыла мимо монастыря Спаса Нерукотворного Образа, девушка бросилась в воду, но доплыть до берега не сумела — утонула в Вычегде. С тех пор и называется это место — «Ульяново плесо, а по нем и — Ульяновский монастырь».

Эту свечу, возженную святителем Стефаном, местные большевики и комиссары затаптывали в 1918 году с каким-то удивительным остервенением.

Мориц Мандельбаум, зверствовавший тогда на Верхней Вычегде и Печоре, закапывал монахов живьем в землю, выкалывал глаза, вырывал языки...

— Собирайт добровольц на тот свет! — говорил этот командир интернационального отряда.

Монастырь закрыли, храмы и монастырскую библиотеку разграбили. В самом монастыре устроили вначале тюрьму, а потом — психиатрическую лечебницу.

Страшное, гнетущее душу зрелище открывается и сейчас по мере приближения к обители, поднявшейся на высоком холме над Вычегдой. Монастырь со всеми своими храмами и строениями тоже напоминает изуродованного пытками человека.

Обломленные маковки...

Обрушившиеся кровли...

Морозное синее небо, что застыло в пустых проемах окон бескрышей монастырской гостиницы...

Но если днем залитые сияющим солнечным светом руины выглядели хотя бы живописно, то вечером, когда начало темнеть, стало понастоящему страшно.

Сразу резко похолодало. Морозной стужей потянуло от покрытой льдом Вычегды.

Разгорались на темном небе яркие и крупные звезды. Желтые огоньки окон церкви, редких обжитых помещений словно бы отступили в сгущающуюся темноту.

Смертной черной стужей запекалась темнота в проёмах дверей и окон.

И застревали в горле привычные — «Здесь не было войны...» — слова. Глядя на Ульяновский монастырь сейчас, как-то удивительно ясно и отчетливо осознавалось, что здесь и шла, быть может, еще более страшная, чем с фашистскими полчищами, война сатанизма с Православием, в которой Православие одержало победу.

И точно так же, как после оккупации возвращались на руины и пепелища жители, возвращаются и на эти руины их подлинные хозяева — иноки.

Воистину, со светом возжигаемой свечи сходна история Ульяновского монастыря. Неровное, помаргивающее пламя, кажется, и пропадает порою совсем, угасает, но нет — снова возникает огонечек, растет, пока ровным и ясным светом не рассеивает тьму в самых дальних закоулках...

18 марта 1995 года. Ульяновский монастырь

ТРУДНИКИ

Свет и чистота, которую несут с собою монахи, уже и сейчас теснят тьму, заставляют потёмки уползать в заросшие наростами льда развалины... Но тьма действовала подобно наркозу, обволакивая души людей сном безразличия. Сейчас страшный наркоз отходит, и корёжит, корёжит души людей, очнувшиеся от страшного сна...

Келья трудников, где меня поселили, находилась в ещё не до конца расселённом здании.

Здесь еще продолжали находиться здешние, не монастырские жители. В отличие от монахов, они обитали тут уже давно, и непонятно было, как эту жизнь они выдерживают.

Длинный, тускло освещенный лампочкой коридор...

Столбы, поставленные уже монахами, подпирают грозящий обрушиться потолок...

И, разумеется, ни водопровода, ни туалета в большом двухэтажном здании. Все удобства — в здании почты на другой стороне монастыря...

Человек, конечно, привыкает ко всему, но все равно непостижимо, как сумели люди привыкнуть жить так из года в год, тем более что и раньше не возбранялась другая жизнь — прямо под горой стояли аккуратные домики поселка — стройся там, места хватает.

Но нет...

Старились, дряхлели, спивались в не приспособленных для индивидуальной жизни монастырских зданиях.

Каждому, наверное, знакомо ощущение, когда, вырываясь из сонного кошмара, пытается проснуться человек...

В Ульяновском монастыре, в келье трудников, заставленной, как нарами, стоящими друг над другом кроватями, уже воочию, а не

во сне, наблюдал я за судорогами пытающихся очнуться от забытья душ.

Монастырские трудники — оленеводы и шофера, плотники и бывшие геологи — народ очень разный. У одних за плечами институты, у других — многочисленные отсидки. У третьих — и то, и другое...

Разные они и по жизни.

Парня из Сибири, к примеру, привела в монастырь злая безвыходность — подчистую пропился он и не на что было добраться домой. А в монастыре кормят, есть ночлег и, кроме того, платят, хотя и немного, но месяца за два можно скопить на обратную дорогу.

Другие пришли в монастырь сами, пытаются укрыться от мирских соблазнов, которые неминуемо — они сами чувствуют это — приведут их в зону.

Третьи действительно глубоко верующие люди, готовящиеся принять монашеский постриг и проходящие послушание...

Загнанный вечерним морозцем в эту келью, я сидел у жарко натопленной печи («Лучше маленький Ташкент, чем большой Сибирь...») — пошутил подкидывавший очередную порцию поленьев в печь шофер) и слушал здешние разговоры.

Келья больше напоминала рабочее общежитие, причем не заводское, благоустроенное, а то, в каких селятся сезонные, приехавшие на работы люди, где общежитие — не постоянное твоё жильё, а лишь место для сна.

В келье курили. За столом шофера дополняли великопостную монастырскую трапезу — хлеб, картошка, капуста — тушенкой.

Если бы еще добавить водочных бутылок да повесить на стену глянецовую картинку с изображением какой-нибудь красотки, ощущение сезонного общежития стало бы абсолютно полным.

Но водочных бутылок не было. Во-первых, как я понял, нет денег, во-вторых, за пьянку трудников сразу изгоняют из монастыря.

Не было и картинок на стенах. Вместо них в проходе между кроватями был оборудован маленький, с дешевыми бумажными иконками иконостас. И книжки, которые читали валяющиеся на койках рабочие, тоже были духовного содержания.

— Посмотрим, посмотрим, что тут про монастырь написано... — раскрывая книгу «Уль-

яновский монастырь у зырян», проговорил, устраиваясь на своей койке, мужчина, плававший в миру механиком на судне.

— Ты про загробную жизнь почитай, если хочешь, — сказал ему Виктор.

С Виктором мы не то чтобы познакомимся, но разговорились, и я знал и имя его, и то, что работает он в монастыре без жалованья, просто так, и что у него и дом есть свой, и семья, но уходить из монастыря он не хочет.

«Отец Питирим сказал, что все равно ты, Виктор, монахом будешь...» — сообщил он мне с какой-то непонятной интонацией. И гордость звучала в голосе, и вместе с тем и задумчивость. Виктор, повторив эти слова вслух, как бы еще раз вслушивался в них, пытаюсь постигнуть смысл.

— Нет! — отказался бывший механик. — Я эту почитаю...

— Зря... Про загробную жизнь легкая книжка, хорошо читается, — продолжал уговаривать Виктор.

— Зачем мне про загробную жизнь читать? — усмехнулся механик. — Что будет со мной в загробной жизни, я и так узнаю, когда время придет.

И он углубился в чтение.

Впрочем, ненадолго. Отложил «Ульяновский монастырь у зырян», потянулся. Потом сказал мечтательно:

— Радио бы послушать...

— А ты бритву не смотрел? — спросил Виктор.

— Не... — механик зевнул. — Интересно, чего хоть происходит сейчас там?

— Так я и говорю, чтобы ты бритву посмотрел. Может, из нее радио сделать можно, а мне бритва теперь уже не нужна, раз я в монастыре решил остаться...

Он провел по заросшему щетиной подбородку и не сразу и сообразил, почему мы с отставным судебным механиком уставились на него. Только потом объяснил, что, когда служил в армии, один парень сделал из бритвы приёмник.

— Перемотал там что-то... Какие-то проводки пересоединил, и работало. Одну программу, правда, брало, но слушать можно было.

— Так не бывает! — убежденно сказал механик.

— Как же не бывает, если я сам слушал этот приемник? Я и просил тебя посмотреть бритву, думал, может, ты переключишь там чего и будем вместе радио слушать.

Я смотрел на пляшущие в печи языки пламени и думал, что, в принципе, и не такое бывает в жизни.

Если появляются умельцы, которые из бензопилы могут соорудить вертолет, то отчего же электробритва не может заговорить как радио, если умеючи пересоединить проводки? Задумавшись, я даже рассказик начал придумывать про эту электробритву. Включаешь её в розетку, думаешь побриться, а она начинает говорить радиоголосами...

И характер героя, такого монастырского Левши, тоже придумался. Понятно было, что, поскольку в монастыре дело происходит, то и радиоголос, который должны были услышать герои рассказа, как бы и не совсем радиоголосом будет.

Но это герои поймут позже, к финалу, а вначале будут слушать радиоголос вполуха, как обычно слушают репродуктор.

Глядя на языки пламени в печи, придумывал я этот рассказ и едва не пропустил начала ссоры...

Виктор походил по келье, поправил что-то в иконостасе, потом полез в свою сумку, достал какую-то иконку оттуда.

— Кто это у тебя там? — спросил валяющийся на койке механик.

— Святитель...

— А по имени кто?

— Стефан... Великопермский... Он наши края крестил. Наш монастырь основал...

— Но он же в Москве помер, я читал... Значит, получается, покрестил здесь народ и отдыхать поехал в Москву.

Виктор внимательно посмотрел на развалившегося на кровати механика, но сдержался.

— Не кощунствуй... — сказал он, задумчиво глядя на разложенные вещи, сам у себя спросил. — Чего это я разложил всё? Может, поеду домой? Женюсь?..

Он говорил это с той же интонацией, как и про предсказание настоятеля монастыря отца Питирима. Сам говорил и сам вслушивался в слова, пытаясь постигнуть, услышать что-то, чего он не понимает и что очень нужно ему понять. И понятно было, что сейчас лучше не трогать Виктора, не для нас, сидящих в комнате, говорил он это, а сам для себя.

Но отставной судебной механик, похоже, не по-

нимал этого. А может, как раз и понимал... Просто есть такие с гнильцой люди, с внутренней похабностью натуры, которым только дай залезть в душу приоткрывшегося человека, и всё затопчут, всё испохабят, ради собственного, непонятно в чем заключающегося удовольствия.

Механик, похоже, принадлежал к их числу. Глумливо улыбнувшись, он сказал:

— Нет, Виктор... Тебе нельзя...

— Чего нельзя? — чужим голосом спросил Виктор, и механику нужно было насторожиться, нужно было уйти от этого опасного разговора, хотя бы о себе подумать... Но такие люди не способны и на это.

— Ты же сам знаешь... — беспечно и нагло улыбнувшись, сказал он. — Тебе жениться нельзя!

И достал, конечно, достал Виктора.

То, что произошло дальше, реалистическому описанию не поддается. Как-то без всякого перехода, всё еще держа в руках иконку святителя: «Я тебе хавало порву! Укроп! Рогожка задутая! Давно рога не ломали?» — ровным голосом заговорил Виктор, и сразу тихо стало в келье.

Никто не сдвинулся с места, но словно бы отодвинулись все, освобождая пространство между Виктором и механиком, и ко мне, к теплой печи, явственно потянуло знобким холодком зоны, где положено держать ответ за любой «базар».

И словно бы пропал, исчез неведомо куда монастырь, и в этой келье, обратившейся в тюремную камеру, никто и не двинулся бы, чтобы помочь, если бы Виктор набросился сейчас на обидчика.

Как, впрочем, и любому другому не стали бы помогать.

Каждый был тут сам за себя.

Говорил Виктор минуты три. Черная, густо замешенная на фене матерщина лилась из него с такой ровной и злой энергией, что малейшее слово, шорох — и она рванулась бы, сметая и корежа все на своем пути.

К счастью, механик явно струсил.

Я не смотрел на него — сам в эти минуты словно бы превратился во вжавшегося в себя обитателя зоны! — но почти физически ощущал страх, сковавший механика.

Драки не произошло. Виктор запнулся на полуслове, и побелевшие от ярости глаза сно-

ва наполнились густой синевой... Глядя на сжимаемую в руке иконку святителя Стефана Великопермского, Виктор потрянул головой, не понимая, что случилось.

— Ну вот... — растерянно сказал он. — Опять бес попутал.

И перекрестился.

Еще несколько мгновений длилась напряженная тишина.

Наконец механик чуть пошевелился.

— Почитаю, пожалуй... — сказал он, беря отложенную книгу «Ульяновский монастырь у зырян».

— Вот-вот... — сказал Виктор. — Правильно. Почитай лучше.

И, еще раз перекрестившись, поставил иконку святителя возле иконостаса.

Задвигались и другие трудники.

— Ну, что тут у нас делается? — спросил водитель, подходя к печке. — Пожалуй, и закрывать трубу надо... Как говорится, хватит жить как попало, будем жить как придётся.

— Но культурно... — засмеялся, поддерживая его шутку, второй водитель.

— Это уж точно...

Я слушал этот ничего не значащий и вместе с тем так много значащий разговор, смотрел на грязные подтеки — ремонт здесь еще не делался! — на стенах, на заросшие грязью двери, и готов был поклясться, что полчаса назад и стены, и потолок, и двери были чище. Словно это рванувшаяся потоком душевная нечистота и запеклась на них, превратилась в грязные пятна, материализовалась в струпы пыли.

И как тут удержаться и не сравнить эту келью с отстойником...

Все черное, гадкое запекается грязью на полу, на стенах, а чистое остается в человеке... Чистый уходит он в мир или остается в монастыре.

Разумеется, сравнение грубое и неточное.

Порождено оно субъективными ощущениями, когда я стал нечаянным свидетелем борения света и тьмы в душе человека, того борения, о котором ежедневно вспоминаем мы, повторяя слова молитвы:

«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым да исчезнуть, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога, и знаменующихся крестным зна-

нием, и в веселии глаголющих: радуйся Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшего силу диаволю, и даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата...»

18 марта 1995 года. Ульяновский монастырь

ВОЗЬМИ ПОСТЕЛЬ СВОЮ И ИДИ

Помню, в далеком от Ульянова Шамординском монастыре Калужской области игумена Никона, рассказывая про трудности, жалуясь, как медленно идут восстановительные работы, вдруг, как-то мгновенно забывая о хозяйственной разрухе, проговорила, вздохнув:

— Но всё ведь по молитвам нашим. Молимся, видно, худо...

Трудно даётся современному человеку постижение монастырской, всецело посвященной Богу жизни. Не выводимый из души яд атеистического скепсиса и протестантской, такой созвучной нашей цивилизации практичности застят нам Свет, даже когда мы и пытаемся открыть глаза.

И вот, совершенно искренне влюбляясь в красоту церковной архитектуры, в высочайшую культуру духовной литературы, в созидательную мудрость православной жизни, главным в ней мы тяготимся. Ленимся совершать утром и вечером молитвенное правило, стремимся сократить чтение молитв, тяготимся церковной службой.

Эти невеселые мысли крутились в голове, когда стоял я на воскресной службе в монастыре. В шесть утра разбудил меня звон колокольчика из коридора. И сразу, не позавтракав, не покурив, пошёл в церковь. Там заутреня, а следом — долгая, на четыре часа, монастырская служба...

Кажется, всего-то дела — постоять несколько часов, прилежно внимая молитвам, и всё равно тягость, рассеяние и нелепые, почти судорожные порывы уйти — поговорить с кем-нибудь, покурить на улице, записать что-нибудь в блокноте, одним словом, заполнить время привычными, обыденными действиями.

Признаюсь, что подобная рассеянность находила на меня и прежде, но здесь, в Ульяновском монастыре, тягость от церковной службы ощущалась особенно сильно.

Но как-то отстранённо, удивляясь и стыдясь самого себя, я думал, что здесь мне идти некуда. На улице — мороз, в нетопленной келье, куда я перебрался из кельи трудников, — знобящий холод.

И нет, больше нигде нет мне места, кроме церкви...

И так ясно и очевидно открылось это, что и тягость прошла, теплом и неизъяснимой сладостью повеяло от знакомых молитв, и уже никакого усилия не нужно было совершать над собою, чтобы достоять до конца службы.

И достоял, и исповедался, и в рассеянности своей тоже покался...

И причастился, и послушал проповедь игумена Питирима, который, чуть приподняв голову и глядя куда-то вверх, говорил о расслабленном, которого положили к ногам Спасителя, и Он сказал ему: «Возьми постель свою и иди!», и сам себя я ощущал этим грешником — прощённым и восставшим на ноги...

А вышел из церкви — такой солнечный, такой радостный, такой светлый день вокруг...

19 марта 1995 года. Ульяновский монастырь

ИГУМЕН ПИТИРИМ

После монастырской трапезы игумен Питирим пригласил меня побеседовать.

Я подарил игумену свою книжку о святителе Стефане Великопермском, он рассказал о монастырских делах. Я говорил о святительском подвиге, о том, что возрождаемый монастырь — это продолжение дела святого Стефана.

Игумен Питирим больше рассказывал о братии, о коровах, которых держат на ферме, о предстоящих летом строительных работах, о паломнической поездке на Соловки, в которой монастырские монахи собираются сопровождать православных скаутов, об исправлении, пусть и медленном, местных нравов...

— Мало что изменилось... — вздохнул игумен. — Но теперь, слава богу, никто уже не забегает с топором в церковь, как вначале было...

Об истории тоже поговорили. О тех семи уцелевших монахах, что вернулись после закрытия монастыря в Ульяновово и сберегали — тайно и негласно! — монастырскую службу и устав, пока и их не посадили...

И хотя, отвечая на мои вопросы, говорил игумен Питирим о самых разных, зачастую

предельно заземленных проблемах монастыря, все время говорил он о главном, о том, что и составляет суть монастырской жизни...

Отец Варнава рассказывал, что мысль о восстановлении Ульяновского монастыря пришла отцу Питириму во время молитвы. Родившаяся в молитве мысль в молитве и обретает реальную жизнь, молитвою и живет...

Впрочем, могло ли быть иначе в основанном самим святителем Стефаном Великопермским монастыре...

Видеохроника, которую я смотрел вчера, сохранила первые слова отца Питирима, произнесенные на этой земле.

— Я рад вас приветствовать в монастыре, основанном первопроходцем Христовым Стефаном, освященном игуменами Герасимом, Питиримом и Ионой, а также многочисленными похороненными здесь монахами, — сказал он. — Я приехал с любовью ко всем...

19 марта 1995 года. Ульяновский монастырь

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

— Очень мне хотелось своего ангела-хранителя увидеть... — рассказывал пожилой священник. — Так хотелось, как в жажду воды напиться. И вот явился мне во сне человек. Ростом он как ребенок, но не ребенок, и красоты неимоверной! Я испугался. Даже — «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — перекрестился во сне.

А он говорит:

— Разве я боюсь креста? Ты же меня видеть хотел...

Тут и проснулся я.

Открыл глаза, а он рядом стоит.

— Ангеле Христов, — говорю ему. — Хранителю мой святой и покровителю души и тела моего, вся ми прости, что не признал тебя... Святой Ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешного, ниже отступи от меня за невоздержание мое...

И когда дочитал молитву, невидим стал ангел, но теперь все равно я твердо знаю, что он рядом стоит!

20 марта 1995 года. Сыктывкар

ГНИЮЩИЙ ДОМ НА БЕРЕГУ ВЫМИ

Переехал к двоюродной сестре Алле, чтобы вместе съездить в Усть-Вымь.

Живет Алла в трехкомнатной квартире с мужем Николаем Ильичом и дочерью, но кажется — так здесь все захлавлено! — что живет тут еще несколько семей.

Разваливается и дом тети Мани в Усть-Выми, который принадлежит сейчас Алле.

Надо бы его отремонтировать, но в семье Али больше споров о том, надо ли брать мастеров или сам Николай Ильич отремонтирует.

Отношения у Али с мужем непростые. Николай Ильич живет в квартире по-особому, в своей комнате. Часто пьет чай. Много спит и все время читает книги.

И все время он критикует Алю, что она не дает ему развернуться с ремонтом дома в Усть-Выми.

— Тут у меня гладиолус, не затопчи... — передразнивает ее. — Там тюльпаны... А подруб делать — место нужно. Тюльпаны, когда бревно тащишь, обходить не будут...

Но Аля упрямо стоит на своем.

И так и гниет окруженный тюльпанами и гладиолусами тети Манин дом на берегу Вычегды.

Сейчас зимой он засыпан снегом, и мы и заходить не стали, чтобы не нарушить контрольно-следовую чистоту наметенных сугробов...

22 марта 1995 года. Усть-Вымь

ТАЕЖНЫЕ БОЖКИ

— Тайга здесь. Край дикий. Кругом колдуны! Из православных я один в этом поселке охотников был. Ну уж они и поугадили меня! Лоси выше деревьев вокруг бродили! Идет, понимаешь, такой, грудью верхушки сосен ломает, рогами за облака задевает. Медведя-вампира на меня навели...

— А что это за медведь-вампир?!

— Ну, морда у него поврежденная была, не мог пасть открывать, вот и приладилась кровь пить. Хотя, конечно, хоть и дикий народ тут, а доверчивый... Урка у меня знакомый был, так он нашел место, где они божкам своим жертвы оставляют, и целый месяц как на курорте жил — крал с жертвенников мясо, водку. А знаешь как попался?

— Как?

— Он написал, чтобы курева принесли, положили на жертвенник... Тут его и взяли. Вот ведь дурак!

— Точно дурак... — согласился я. — Он что, сообразить не мог, что боги, хоть и божки они, не курят?

— А при чем тут это? Он на другом прокололся!

— На чем же?

— Ну как на чем? Он же по-русски записку написал. А божки ихние по-русски ни слова не понимают. Только по-коми...

23 марта 1995 года. Серёгово

УСТЬ-ВЫМСКИЕ РАЗГОВОРЫ

— Аля, ты меня послушай внимательно! У меня здесь, в сельсовете, как у Робинзона, глаз уже совсем круглый стал. Ты на полчаса приехала всего, а человеку из Ленинграда послушать меня не даёшь...

— А чего ему тебя слушать, если у тебя фингал под глазом, Лёней повешенный? Сам-то куда, опять на метеостанцию ушедши?

— Мне, Аля, синяк этот правду говорить не мешает. Я всё человеку расскажу. И про то, что на метеостанции тоже кушать надо, пускай знает...

Разговор этот завязался в коридоре Усть-Вымской администрации, куда моя двоюродная сестра Аля зашла за нужной ей справкой.

А разговаривала она со своей подругой Ритой, поселившейся в здешнем коридоре, поскольку в свой дом ей было страшно идти.

Там Риту брат Леня ждал.

Из разговора я понял, что Рита получает Ленинскую инвалидную пенсию, а он требует с Риты денег на выпивку.

— Денег-то много ему даешь? — спросила Аля, поджав губы.

— Дак если от дома не убегаю, и миллиона не хватит! — вздохнула Рита. — А так в 30 тысяч укладываюсь. Совсем немного и надо к его пенсии докладывать...

— Ой, дура ты, Рита, дура... Чего ты его с больницы взяла? Пускай бы и жил там!

— Он один меня, Аля, Ритой зовет, другие душой! Поэтому и взяла. Не надо, Аля, не надо! А на Леню я не ругаюсь, что он на метеостанцию ходит! Раньше на метеостанции жалованье по безработице платили, а теперь ничего не стало. Чего Леня принесет, тем и бывают сыты!

Леня этот, как я понял из разговора, с виду весьма представительный мужчина — сто килограммов мяса, только голова совсем простая...

Со своей головой любил Леня, как всякий нормальный усть-вымский мужик, и про объеме шара поговорить в компании, и про преимущества и недостатки иномарок. Сидел, курил, плевал на пол и вел разные умные разговоры, а болезнь его обнаруживалась, только когда выпивать начинали.

Принесёт Лёня бутылку, мужики ее выпьют, а потом, когда они свою пьют, Лёне уже не наливают.

— Ты, — говорят, — иди, дурачок! Еще бутылку пока сообрази!

Лёня и шел тогда к Рите требовать денег.

— От чужих дураков я могу спрятаться, а от своего куда? — спрашивает Рита. — Только в сельсовет. Лёня сельсовета сильно боится... Дурак всё-таки!

— Это не он, Рита, дурак, а ты — дура... Ты шваброй к пенсии себе деньги зарабатываешь, а он и мужикам водку носит, да ещё этим на метеостанцию...

— А я, Аля, давно заметила, как меня дурой назовут, значит, я святую правду говорю. Нет, Аля! Леня — это брат мой, он меня шваброй не считает, он их на метеостанции швабрами держит, им швабрино жалование носит. А со мной у него братние отношения. Вы так и расскажите, Николай Михайлович, в Ленинграде, если спрашивать будут!

24 марта 1995 года. Усть-Вымь

ГОЛОС ИЗ СНА

— Не все ли равно тебе, из чего монтировка будет сделана, которой черти ребра ломать будут, из железа или из золота?

Такой вот странный вопрос я услышал из сна и, проснувшись, долго лежал и всё думал, как это верно сказано.

О тщите нашей и не скажешь лучше...

25 марта 1995 года. Сыктывкар

И БЫСТЬ БРАНЬ НА НЕБЕСАХ

Жена Михаила Сизова — Анна Сивкова — из удорских староверов.

Она показала мне семейную реликвию — книгу в деревянных обложках.

«Сия книга нарицаемая «Апокалипсис» пере-

писана прадедом Иваном Малахиевичем Матевым в 1856 году. Прочитав эту книгу, на странице 132 он заболел головой и спустя 2 часа скончался 11 ноября старого стиля, а по-новому будет 24 ноября 7 часов вечера 1886 году возрасте 70 лет».

Жил Иван Малахиевич Матев в селе Пучкома, где была тогда большая староверческая община рахмановского толка.

Семья Сивковых оттуда.

Пять поколений семьи много и тяжело работали, наживая своим трудом достаток, воспитывали и выучивали многочисленных детей, но главным делом для них оставалось хранение матевской библиотеки.

Книги все время надо было прятать от обысков. При царской власти книги увозили в тайгу, при временном правительстве прятали в навозе за хлебом, при большевиках зарывали на долгие годы в землю.

Последние обыски, когда пытались изъять матевские книги, были уже при Хрущеве, в шестидесятые годы. Эти обыски Анна Сивкова, рассказывавшая мне историю своей семьи, запомнила сама.

Сама Анна Сивкова ходит в обычную православную церковь.

— Старообрядчество, — говорит, — не столько религия, сколько образ жизни.

Сейчас в селе Пучкома, где жил Иван Малахиевич Матев, осталось всего несколько старушек, они начинают говорить на русском, но забывают и говорят дальше по-коми.

— Самое время святителю Стефану Великопермскому прийти... — шучу я.

— А он и не уходил никуда... К святителю Стефану удорские староверы очень хорошо относились... Это ведь он нас двуперстием крестил!

На странице 132 «Апокалипсиса», переписанного прадедом Иваном Малахиевичем Матевым в 1856 году, подчеркнуты слова: «И бысть брань на небесах...»

Это последние слова, которые прочитал он.

С этими словами и отошел ко Господу знаменитый удорский книжник...

С этими словами и уезжал я из Сыктывкара.

25 марта 1995 года. Сыктывкар

ЭКСКУРСИЯ

Начались весенние каникулы в школах, и основные пассажиры в вагоне — дети.

Они предвкушали эту поездку, они ждали, когда, простившись с родителями, останутся одни, как настоящие взрослые. И вот дождались. Но ничего удивительного не произошло, не случилось чуда, на которое они надеялись...

И видно было, что подростки не могли понять, почему так. Они ходили из купе в купе, говорили, ели бутерброды и печенье, пили пепси-колу и смеялись. И всё громче, возбужденней, нервознее.

Воспитатели пытались поначалу их унять, но потом — от греха подальше! — спрятались в своем купе и уже не выходили из него. А подростки сами себя возбуждали, словно бы торопя наступление того, чего они так ждали и что всё ещё так и не наступало в них.

И заводились, заводились, конечно... И шумели не в меру, и сами от этого шума возбуждались ещё сильнее, и только порой:

— А классная тусовка у нас получилась? — то ли хвалились они, то ли спрашивали друг у друга, то ли сами пытались убедить себя, что эта суета, этот крик и есть то, чего они ждали от поездки.

Потом всё стихло, и только в одном купе, где — об этом возбужденно шептался весь вагон — была водка, по-прежнему не спали. Пьяные детские голоса, матюги, которые в детском исполнении казались ещё грязнее и таже, неслись отсюда.

Потом стихло и в этом купе.

Когда я вставал ночью, в коридоре стоял совершенно пьяный мальчишка с побелевшим лицом и какими-то пустыми глазами. Я прошел мимо, но мальчишка, кажется, и не заметил меня.

Он смотрел так, словно ему удалось заглянуть в предстоящую жизнь, и он все ещё не мог оправиться от пережитого ужаса.

Что-то жутковатое было в его бессмысленном взгляде...

27 марта 1995 года.

Поезд Москва — Санкт-Петербург

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Поездка на родину отца оказалась чрезвычайно успешной — я привез-таки в Питер все сочинения Ивана Алексеевича Шергина, изъятые у него товарищами из ГПУ и НКВД.

Очень хотелось оказаться в своей квартире и сразу сесть за работу, но у нас гости: Маринин племянник Антон из Минска.

Антон — удивительный ребенок.

Приехав в Санкт-Петербург, он стонет, не спит по ночам, тяжело вздыхает. Как выяснилось, так он мечтает о «Денди».

Эта приставка для игр стоит 125 000 рублей, и это мечта Антона, за этой мечтой и приехал он, а не за здешними музеями и театрами.

У нас таких денег на игрушку, разумеется, нет, и в результате возникает очень мерзкое ощущение, как будто мы обманули ребенка.

Но с другой стороны, есть и положительный момент в этой истории.

Еще раз убедился, как легко моими глазами начинает смотреть Марина на происходящее. Рассказал, что я думаю про Антона, а она уже сама убеждена в этом.

Марина, разумеется, идеальная жена. Она приросла ко мне. Я прирос тоже, но, наверное, не так сильно. Марина же просто не сможет существовать без меня. Впрочем — это уж наверняка! — я тоже не смогу существовать без нее.

И слава богу, что так!

Но все же, все же...

Работа над очерком о поездке идет плохо.

30 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА

Пока работал в Сыктывкарском архиве, пока ездил по республике, пока жил в Ульяновском монастыре, как-то и недосуг было интересоваться новостями.

А новости, конечно, были.

И все одна другой стоят...

Оказывается, размер минимальной заработной платы повышен почти в два раза и минимальная зарплата стала аж 34 400 рублей.

Оказывается, Б.Н. Ельцин составил «Программу поэтапного урегулирования кризиса в Чеченской Республике».

Такие вот настоящие первоапрельские шутки...

31 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПОДАРОК ДЛЯ ВНУЧКИ

В московском издательстве «Эллис Лак» выпустили мою повесть о Николае Михайловиче Рубцове совместно с его стихами.

Меня попросили, как составителя, подписать договор с наследницей. Я позвонил, поговорил с ее мужем, он сказал, что Лена договор подпишет и обязательно перезвонит мне.

Лена Рубцова — это та самая девочка, о которой думал Николай Михайлович Рубцов, когда сложил свою «Прощальную песню»:

*Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.*

*Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.*

*Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.*

*Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...*

*Не грусти! На знобщем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.*

*Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...*

*Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настагающий топот
Все мне слышится, точно в бреду...*

*Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.*

*Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...*

Существует предание, что Рубцов вез эту

куклу в Ни́колу, не только в стихах, но и в реальной жизни, только его забрали с этой куклой в милицию и он так и не привез ее дочери...

Несколько дней я ждал звонка от Лены Рубцовой, но сегодня мне передали аванс для Лены за издание стихов Рубцова, и я позвонил сам.

Оказалось, что Лена в роддоме. Сегодня, на Благовещение, она родила внучку Николая Михайловича Рубцова.

И если аванс за его стихи можно уподобить подарку, то с этим подарком внучке Николаю Михайлович не опоздал...

И на улице сегодня такой чистый и солнечный день.

Значит, и на Пасху будет светло и солнечно!

7 апреля 1995 года. Санкт-Петербург

ВНУК СВЯТОГО

С утра встречался с Сергеем Алиповым и правнуком Философа Николаевича Орнатского. Ездили в мастерскую к Алипову.

К приезду правнука святого Сергей даже прибрался там.

Правнук — канадский юрист.

Все расспрашивал, во сколько обойдется мемориальная доска прадеду. Считал. Дорого. Очень дорого выходило, по его прикидкам.

Еще неприятно поразило, что взгляды у внука весьма прозападные.

— А разве есть альтернатива Собчаку? — спросил он, и как-то грустно стало.

Это внук человека, который во время революции 1905 года призывал рабочих Нарвского района, где особенно сильны были тогдашние Собчаки, к верности императору Николаю II.

Увы...

Хотя и работает правнук в России, но от России так далеко он, словно на другой планете.

9 апреля 1995 года. Санкт-Петербург

СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ СВЯТИТЕЛЯ

Святитель Игнатий (Брянчанинов) среди громадного своего литературного наследия оставил нам всего четыре стихотворных опыта. Он не был поэтом, но читаешь его стихотворение «К земному страннику», особенно последние строки:

*А в вечности вратах — ужасно пробужденье!
В последний жизни час...*

— и стихи эти поражают беспощадной и какой-то надмирной истиной, пронизывающей их. Читая эти строки — а последняя даже не зарифмована — и видишь самого святителя, его глаза, которым открыто всё и все...

Этими глазами смотрит святой Игнатий с икон, этими глазами смотрит на нас, земных страдников, и из своих стихов.

И естественно рождающиеся на губах слова: «Святой отче Игнатий, моли Бога о нас!» — сливаются с последней незарифмованной строкой, словно эти слова и должны завершать стихотворение святителя:

*В последний жизни час
Святой отче, Игнатий, моли Бога о нас!*

11 апреля 1995 года. Санкт-Петербург

НАШ ДОМ — РОССИЯ

Сегодня Виктор Степанович Черномырдин заявил о создании предвыборного объединения «Наш дом — Россия».

Задача объединения — «не дать шанса никаким экстремистам победить на выборах».

И как-то так посмотрел с телевизора, что я, хотя и не собираюсь, естественно, никуда баллотироваться, почувствовал, что это именно мне Виктор Степанович собирается не дать никакого шанса.

Не мне лично, конечно...
России.

25 апреля 1995 года. Санкт-Петербург

О СПАСЕНИИ

Начал писать «Семейную хронику». Пока все еще на подступе, но надежда появилась, что на этот раз удастся написать. Материала из Сыктывкара привезено немерено.

Ходили в Тихвинскую церковь.

Вечером за молитвой неожиданно подумалось, что я не то чтобы не верю, но боюсь поверить...

И это при том, что я ужасно боюсь смерти, а воскресший Христос даровал ведь нам победу над смертью, даровал жизнь вечную...

Значит, если поверить в Него, то избавишься и от страха смерти.

И все равно понимаешь это, а не веришь.

То есть, конечно, веришь, но как-то слабо веришь, в основном головою. А надо верить сердцем.

И каким же счастливым сразу станешь тогда!

И это ведь не только твое личное счастье, не только твое личное спасение, но и всей страны...

2 мая 1995 года. Санкт-Петербург

СМЕРТЬ БОРИСА ПРИМЕРОВА

Сегодня позвонил Андрей Поздняев: на даче в Перedelкино повесился Борис Примеров.

После того как в «Роман-газете» вышла моя повесть о Николае Рубцове, он часто подходил ко мне и, шамкая беззубым ртом, что-нибудь рассказывал о Рубцове.

Речь была путаной, неотчетливой, но смысл рассказов всегда оказывался глубоким, и чем я больше думал над ними, тем больше открывалось глубины.

Вообще, Борис был, конечно, очень талантливым.

*Как белые голуби,
Как белые голуби,
Найду ль высоту?
Стою я у проруби,
Стою я у проруби
На страстном посту.
И слышится колокол,
И слышится колокол
Из водных аркад.
Под сводом расколотым,
Под сводом расколотым
Не Китеж ли град?!*

Но в последние годы, особенно это стало заметно после осени 1993 года, он как-то растерялся. И не только в жизни, но и в своих стихах.

В его впадающей в богохульство «Молитве»:

*Боже, который Советской державе
Дал провестись в дивной силе и славе,
Боже, спасавший Советы от бед,
Боже, венчавший их громом побед.
Боже, помилуй нас в смутные дни,
Боже, Советскую власть нам верни!*

— растерянности больше, чем поэтического утверждения грядущей Победы.

Сходна с этой «Молитвой» и предсмертная записка Бориса: «Три дороги на Руси: я выбираю смерть. Меня позвала Юлия Владимировна».

на Друнина... Неохота жить с подонками: Лужковым и Ельциным... Опомнись, народ, и свергни клику... такого не было и не будет на белом свете...»

6 мая 1995 года. Санкт-Петербург

ПАСХА СОРОК ПЯТОГО ГОДА

Приближается пятидесятая годовщина нашей Победы...

Сколько прочитано книг о войне!

Воспоминания и романы, исторические исследования и сборники документов. И всё равно получается, что о самом главном так и не знаешь ещё.

Нет, многое из того, что написано, верно. Да, прямо с колёс, порою даже и не прикрывшись от дождя и снега, начинали работать эвакуированные заводы...

Да, насмерть стояли советские солдаты и в Бресте, и под Смоленском...

И причины наших неудач тоже известны — незавершенное перевооружение армии, война, заставшая нас врасплох... А с другой стороны — работающая на Германию промышленность всей Европы, накопленный немецкими солдатами и генералами боевой опыт.

1

Всё это понятно.

Но как понять, как объяснить, почему вышедшие на трамвайную остановку — и трамвай ведь шёл прямо в центр города! — немцы застряли на этой остановке на два года, да так и не сумели взять Ленинград?

Конечно, защитники города проявили чудеса мужества и героизма, но разве у бойцов, оборонявших Брест, Киев или Смоленск, не было мужества? Разве мало геройских подвигов было совершено солдатами разгромленных немцами по пути к Ленинграду дивизий и корпусов?

А под Москвой? Прорвав все линии обороны, танковые колонны немцев вырвались на Волоколамское шоссе, и только горстка панфиловцев прикрывала столицу, но эта рота и остановила немецкие полчища, всю ту фашистскую армаду, которую не могли остановить наши армии, полегшие на московских рубежах.

И уж совершенно непостижимо случившееся на Волге. Легко пройдя тысячи километров, гит-

леровцы не сумели пройти последних десятков метров до Волги в Сталинграде.

27 сентября, на Воздвиженье Креста Господня, ночью три бойца во главе с сержантом Яковом Федоровичем Павловым захватили в Сталинграде единственный уцелевший на площади четырехэтажный дом и в течение трех суток, пока не прибыло подкрепление, удерживали его, отбивая яростные атаки целой дивизии гитлеровцев.

Непостижимо...

Можно, разумеется, рассуждать, дескать, на первом этапе войны «перемальвалась» немецкая военная мощь. Но в этом рассуждении стремления создать хоть какое-то подобие объяснения, пожалуй, больше, чем здравого смысла.

Разумеется, немцы несли тяжелые потери.

Но разве можно сравнить их с первоначальными потерями, которые несла советская армия? И разница тут не в два, не в три раза, а на порядки...

Советскому Союзу, как объясняют некоторые историки, легче было восполнить свои потери? Ну а как же быть тогда с Ленинградским фронтом, где немецкие войска и снабжались нормально, и доукомплектовывались, а защитники города в это время гибли от голода, непрекращающихся бомбардировок и обстрелов?

А как же быть с осенью сорок второго года, когда, потеряв гигантские промышленные районы, по своему потенциалу Советский Союз начал уступать Германии, ставшей еще могущественнее, чем в начале войны?

Нет, ничегошеньки не объясняет теория «перемальвания» в столь непостижимо совершившемся переломе хода войны.

Но, быть может, и не нужно искать объяснений там, где их нет...

2

Попробуем понять, кто и с кем сражался на войне, которая по праву названа Великой Отечественной?

Германия и СССР? Фашизм и коммунистическая идеология?

Эти альтернативы не только не способны объяснить чудо, которое объективно содержится в нашей победе, но они не полностью отражают даже и саму реальность войны.

Попробуем же взглянуть на факты, не заж-

муривая глаз от того Небесного света, которым наполнены они.

Вспомним, что началась Великая Отечественная война 22 июня 1941 года, в День Всех Святых, в земле Российской просиявших. А закончилась она 6 мая, на день памяти Георгия Победоносца, потому что на следующий день 7 мая Германия подписала в Реймсе предварительный протокол безоговорочной капитуляции.

И выпало 6 мая 1945 года на Светлое Христово Воскресение...

Совершенно другая, осиянная Небесным светом война открывается перед нами, когда мы располагаем ее даты в соответствии с церковным календарем.

Можно приводить тысячи объяснений, почему Гитлером было выбрано для начала войны именно 22 июня, но они не способны заслонить самый главный смысл — именно в день памяти Всех русских Святых нанес оккультный рейх свой главный удар. И целью этого удара был не только коммунистический режим, не только захват новых земель, но прежде всего сокрушение Православной Руси...

Конечно, далеко не все в Германии и очень не многие в России именно так и воспринимали эту войну.

Это возражение ничего не опровергает. Точно так же, как и рассуждение о борьбе с Православием, которую в самой Стране Советов остервенело вела ленинская гвардия.

Да, вела... Но так и не смогли ленинские атеисты-интернационалисты победить укоренившееся в русском языке и национальном характере Православие. Чтобы победить его, мало было взрывать храмы и расстреливать священнослужителей. Для этого необходимо было уничтожить сам русский народ.

И именно поэтому вместо несправившихся с задачей большевиков и избрали силы зла своим орудием оккультный Третий рейх.

3

К сожалению, мы пока мало знаем об этой войне...

Существует предание, которое приводит в книге «Заступница Усердная» иеромонах Филладельф о явлении митрополиту Гор Ливийских Илие самой Божией Матери.

Богородица открыла тогда, что должно быть совершено в России. Она указывала, что необходимо возобновить по всей стране богослужения... Обнести вокруг Ленинграда чудотворную икону Казанской Божией Матери... Совершить молебен перед этой иконой в Москве... Икона должна быть и в Сталинграде...

Митрополит Гор Ливийских Илия немедленно связался с представителями Русской Православной Церкви и Советского правительства и передал то, что было положено передать.

Это предание...

Но есть и факты. Мы знаем, что И.В. Сталин действительно прекратил гонения на православие, укоротив ретивых атеистов-коминтерновцев.

Мы знаем, что повсюду начали открываться храмы, было восстановлено полноценное Патриаршее управление Русской Православной Церковью...

И крестный ход совершили в Ленинграде, и в Москве отслужили большой молебен перед Казанской иконой Божией Матери, и — это не метафора, а объективная реальность! — произошла материализация Всех Святых, в земле Российской просиявших... Тогда танковые колонны и боевые самолеты приняли на себя имена русских святых, тогда ордена наших святых благоверного князя Александра Невского, святого праведного Федора Ушакова засияли на груди наших генералов и маршалов...

И не поэтому ли происходило немислимое. Не успевшие усесться в трамвай гитлеровцы словно в оцепенении замирали перед окруженным со всех сторон городом. Внезапно ударившие морозы сковывали изготовившиеся к последнему прыжку на Москву стальные армады...

Уже немецкие солдаты видели волжскую волну, но не могли пройти последние метры, словно незримая стена вставала перед ними. И это было так же непостижимо, как и церковь иконы Казанской Божией Матери, что продолжала стоять среди обращенного в руины города.

Мало кто вспоминает, что именно на день Казанской иконы Божией Матери и была завершена подготовка Г.К. Жуковым и А.М. Василевским плана контрнаступления под Сталинградом, в ходе которой, впервые с начала войны, удалось сосредоточить в районе нас-

тупления десять общевойсковых, одну танковую и четыре воздушных армии.

Такую мощную силу невозможно было не заметить, но — это тоже впервые с начала Великой Отечественной войны! — немецкое командование не заметило ничего.

Другой сталинградский сержант Иван Дмитриевич Павлов, ставший после войны старцем Кириллом, духовником Троице-Сергиевой лавры, рассказывал, что многие бойцы приходили в те сталинградские дни ко Господу, что и сам он поднял тогда из сталинградских развалин Евангелие и потом шел по войне «с Евангелием и ничего не боялся»...

«Просто Господь был со мною рядом, — говорил он, — и я ничего не боялся...»

Вдумываясь в слова старца Кирилла, понимаешь, что и самое крупное танковое сражение под Прохоровкой, ставшее переломным в ходе Курской битвы и всей Великой Отечественной войны, не случайно попало на 12 июля 1943 года, на день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла.

Как и сама Победа, выпавшая на 6 мая 1945 года, на Светлое Христово Воскресение, на день памяти Георгия Победоносца.

Это и есть Божие чудо — дарованная нам Победа.

7 мая 1995 года. Санкт-Петербург

Глава девятая ГОРОД СВЯТОГО КРЕСТА

О РОЛИ Г. К. ЖУКОВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Безрадостен ход событий в нашей стране.

Всеобщая нищета и разруха дополнилась бесславной, кровавой войной на Кавказе, и теперь только самодовольные, распухшие от воровства и вранья рыла наших демократов — в экране телевизора, и больше никакого совета впереди...

И все как-то неуклюже, как-то уродливо у них!

9 мая открыли сразу три памятника Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову. На Манежной площади в Москве, в Твери и в Санкт-Петербурге в Московском парке Победы. Сразу трижды памятником стал четырежды Герой Советского Союза...

В рамках торжеств в честь 50-летия Победы во Второй мировой войне состоялись и российско-американские переговоры на высшем уровне.

Борис Ельцин и Билл Клинтон подписали пять совместных заявлений, в том числе об экономических связях и режиме противоракетной обороны, все соглашения в ущерб российским интересам, но однако переговоры о расширении НАТО — Жукова, что ли, испугались? — отложили до октября.

11 мая 1995 года. Санкт-Петербург

БРОНЗОВАЯ ИКОНА

Такая жара в Питере, что и к ночи не спадает духота.

Вчера Сергей Алипов подарил нам с Мариной бронзовую икону Казанской Божией Матери, а вечером явился с какой-то женщиной, оба подвыпившие.

— Слушай! У тебя же мастерская есть! — сказал я. — Туда и езжай!

— Но она не хочет в мастерскую. Говорит, что грязь там...

— Ну, так убраться надо было...

Насилу выпроводили их.

Сегодня ходили к отцу Алексею Морозу, он ложится в больницу на операцию.

Отец Алексей — человек мужественный, с нами говорил не о болезни, а о книге, что успел закончить перед больницей.

Мы показали ему бронзовую икону Казанс-

кой Божией Матери, которую нам подарил Сергей Алипов, отец Алексей освятил ее, и на этом мы и простились с ним.

4 июня 1995 года. Санкт-Петербург

ПУСТЕЮТ РУССКИЕ СЕВЕРА

Якутское время сдвинуто на шесть часов вперед московского.

И вроде бы и спать мы, приехавшие из Центральной России, здесь должны были дольше, но первые дни я просыпался уже в четыре утра по местному времени — такое молодое и яркое, словно оно ещё не успело сжечь себя, двигаясь на запад, светило прямо в окно солнце. И от этого недосыпа днём порою наваливалась такая дремота, что уже не было сил противиться ей, и в этой дремоте странно мешалось всё.

И тихие якутские комары, что не гудят, подобно нашим, не звенят, предупреждая о своём приближении, а сразу садятся на тебя и пьют кровь, и когда сгребашь их со щеки, такое ощущение, что комары эти — мохнатые.

И сам город Якутск...

Он построен на вечной мерзлоте, которая не принимает в себя трубы коммуникаций, и эти трубы висят над землей. На них — струпья порванной теплоизоляции, к ним лепятся какие-то сарайчики. Трубы порою загибаются вверх, превращаясь в арки, через которые можно проехать на машине.

От этих труб вид у Якутска какой-то очень индустриальный.

Всё время, пока мы ездили по городу, не покидало ощущение, что мы — на заводской окраине.

И то ли от промышленного характера пейзажа, то ли от трагических новостей из Буденновска, но в голове, должно быть, как у директора завода в былые времена, все время крутились цифры, складываясь в весьма неутешительное сальдо.

По миллиону за каждый год правления демократов сокращается население страны.

А здесь, в Якутске?

Сейчас русских в республике — 80 процентов. Планируется, что к 2000 году их останется только 50 процентов.

И это не оттого, что якутов станет больше. Просто меньше станет самих русских.

Катастрофически падает рождаемость.

Пустеют русские севера...

17 июня 1995 года. Якутск

НАЧАЛО ПЛЕНУМА

В Буденновске предпринят неудачный штурм больницы.

Много погибших, но результат нулевой.

А у нас, в Якутске, в здании Русского Государственного драматического театра открылся Пленум правления Союза писателей России.

Разговаривал в коридорах театра о юкагирах и с юкагирами, выпивал с редактором «Полярной звезды» Софроном Осиповым и его сотрудниками...

Когда разговариваешь с якутскими писателями, такое ощущение возникает, как будто и не в России они живут.

Впрочем, отчего же как будто?

В Якутии не было танков на улицах, здесь президент Михаил Ефимович Николаев не расстреливал Верховный совет. Здесь литература не объявлена персоной нон грата. Поэтому и не знают якутские писатели нашего ожесточения...

В кабинете, где мы выпивали, стоял телевизор. Кто-то включил его. Во весь экран выплыло лицо Виктора Степановича Черномырдина с трубкой в руке.

— Але! — кричал он, наливаясь нездоровой кремлевско-газпромской краснотой. — Шамиль Басаев? Это Черномырдин! Шамиль Басаев, говори громче!

18 июня 1995 года. Якутск

ПОСЛЕДНИЙ ЯКУТСКИЙ ДЕНЬ

Вчера был якутский праздник Ысыах.

Я ездил в Намский улус Коли Лугинова.

Запомнилась невыносимая жара; долгое стояние на стадионе; однокурсник Ваня Мигалкин; погреб Николая Лугинова в вечной мерзлоте, в котором хотелось остаться.

А сегодня с утра — встреча с президентом Михаилом Ефимовичем Николаевым в Институте языка и литературы.

Там же состоялся последний банкет.

Потом нам вручили водочно-рыбные подарки и повезли в аэропорт.

А там накладка...

Из-за Анатолия Борисовича Чубайса, лайнер которого стоял на взлетной полосе и все не улетал, наш самолет два часа ожидал разрешения на взлет.

В салоне стояла невыносимая жара, и вскоре после бессмысленных объяснений бортпро-

водниц в самолете началась какая-то озверевшая пьянка.

Что было дальше — не помню.

Голова как-то сама переключилась на автопилот.

Очнулся уже в Москве в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, но все еще — вот она, игра часовых поясов! — не кончался этот долгий якутский день...

23 июня 1995 года. Якутск — Москва

НАСЛЕДНИКИ

Полвека миновало после великой Победы России над оккультным рейхом...

Накануне юбилея, 25 апреля, глава правительства России Виктор Черномырдин заявил о создании предвыборного объединения «Наш дом — Россия», «чтобы не дать шанса никаким экстремистам победить на выборах».

По-видимому, экстремисты — это мы, дети и внуки русских солдат, одержавших пятьдесят лет назад великую Победу.

Тем не менее в Смоленске открыли памятник Василию Теркину, на Манежной площади в Москве — памятник Г.К. Жукову, а патриарх Алексей II освятил храм апостолов Петра и Павла в Прохоровке на Курской дуге.

Зато военный парад 9 Мая прошел на Поклонной горе, поскольку Красная площадь занята стройкой, да и страшно, наверно, было Борису Николаевичу Ельцину с Виктором Степановичем Черномырдиным подпускать к Кремлю русских «экстремистов».

Ельцин заявил в этот день, что «классическая военная операция в Чечне завершена» и теперь восстановлением конституционного порядка там будут заниматься подразделения МВД.

Ну а вскоре, после юбилея, 28 мая, землетрясение уничтожило город Нефтегорск на Сахалине. Погибло полторы тысячи человек.

Страшная новость...

Еще страшнее, что правительство В.С. Черномырдина приняло решение вообще не восстанавливать город.

Еще одна новость, от которой, должно быть, заворочались в своих гробах наши прославленные адмиралы, пришла из Сочи — 9 июня Борис Ельцин и Леонид Кучма подписали соглашение о разделе Черноморского флота.

Ну, а кульминацией позора, который неутоми-

мые борцы с русским экстремизмом обрушили на нашу страну, стала трагедия Буденновска...

Борец с русским экстремизмом В.С.Черномырдин запретил предпринимать какие-либо попытки задержать бандитов...

Ну, а Борис Николаевич Ельцин не постеснялся на следующий день повторно внести на ратификацию в Государственную думу печально знаменитый договор об одностороннем разоружении России — СНВ-2. Еще — это уже отстаивая В.С.Черномырдина! — Б.Н.Ельцин пригрозил, что «Дума может подписать сама себе приговор...».

Себе приговор Борис Николаевич Ельцин и Виктор Степанович Черномырдин уже вынесли.

В эти трагические дни полувекowego юбилея великой победы русского народа в Отечественной войне особенно явственно обозначилось ничтожество и катастрофическая несообразность нынешних руководителей России тем постам, которые они занимают.

23 июня 1995 года. Москва

ГАЙДАР В МГУ

Жена приятеля, у которого я остановился в Москве, работает в МГУ.

К ним сегодня Егор Тимурович Гайдар приезжал. Чтобы обеспечить явку, студентов обязали отметить на Гайдаре в специальной книге.

Студенты приходили и отмечались.

— Вас будут призывать после учебы в армию, если вы не проголосуете за нас! — горячился Гайдар.

Студенты не слушали его. Отметившись, они уходили.

— Я спросила у одного студента, — рассказывала знакомая, — а почему они не реагируют? Ведь действительно, это важно должно быть для них — идти или не идти в армию. Знаете, что он сказал? Он говорит, что ему еще три года учиться и он не думал пока, что через три года будет с ним!

Мою знакомую возмущало поведение студентов, она называла это инфантилизмом, но я этого возмущения не разделял.

Благодаря проведенным Гайдаром и Ельциным реформам россияне не задумываются ни на два года вперед, ни на год. Мало кто может сказать, что у нас через месяц будет, чего же на несколько лет вперед загадывать?

26 июня 1995 года. Москва

РУБЦОВУ ОТКАЗАТЬ

Два месяца назад мы обратились к председателю комитета по культуре и туризму мэрии Санкт-Петербурга В.П. Яковлеву.

«Уважаемый Владимир Петрович!

3 января 1996 года исполнится 60 лет со дня рождения великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова.

Стихи Рубцова вошли в сокровищницу русской поэзии, они любимы миллионами русских людей. Именем его названы сейчас улицы, Рубцову поставлены памятники в Тотьме и Вологде, музеи поэта создаются по всей стране.

Вместе с тем в Санкт-Петербурге, где поэт провел самые важные годы своей жизни, до сих пор память его никак не увековечена.

Предлагаем к 60-летию поэта установить мемориальную доску на здании общежития (Севастопольская улица, дом 5), где жил Николай Михайлович Рубцов в 1960–1962 годах».

Письмо это подписали: Глеб Горышин и Глеб Горбовский, Борис Штоколов и Иван Виноградов, Борис Орлов и Иван Сабилло и многие другие санкт-петербургские писатели.

И вот пришел ответ.

На бланке комитета по культуре мэрии Санкт-Петербурга было напечатано:

«Уважаемый Николай Михайлович!

По ходатайству Санкт-Петербургской организации Союза писателей России об установке мемориальной доски Н.М. Рубцову отвечает Комитет по культуре.

Не умаляя значения творчества Н.М. Рубцова для российских читателей, мы вынуждены сообщить Вам, что в городе сложилась годами отработанная практика, которая учтена в документе «Положение об установке мемориальных досок в Санкт-Петербурге». Они устанавливаются выдающимся деятелям, оставившим значительный след в развитии истории и культуры страны и заслужившим широкое признание. Ваше предложение могло быть рассмотрено с этих позиций, но согласно названному документу нашему современнику возможна установка мемориальной доски по прошествии тридцати лет со дня кончины.

Заместитель председателя Комитета по культуре Э. А. Филиппова».

На первый взгляд, здесь все вроде бы было правильно.

Есть положение... Сложилась годами отработанная практика... Со дня гибели Н.М. Рубцова двадцати пяти лет еще не прошло, и срок установки мемориальной доски не наступил. Придется подождать еще лет шесть...

Так, утверждает Э.А. Филиппова, заведено у нас в городе. В Вологде, в Тотьме могут ставить памятники, а у нас в Питере это никак невозможно.

Чтобы лишний раз убедиться в нерушимости заведенного в нашем городе правила установки мемориальных досок, я заглянул в справочник «Писатели Ленинграда. 1934–1981». (Лениздат, 1982) и, к удивлению своему, обнаружил, что драматургу В.В. Вишневскому, умершему в 1951 году, мемориальную доску установили на улице Попова на следующий год.

Через год после смерти были установлены мемориальные доски Ю. П. Герману (Марсово поле, в 1968 г.), А. А. Прокофьеву (Кронкверкская улица, 1972 г.) и В. М. Саянову (Чебоксарский пер, в 1960 г.). Зато вот кинодраматургу Ф.М. Эрмлеру, автору сценария фильма «Великий перелом», пришлось ждать установки доски целых два года. Ее установили на Кировском проспекте только в 1969 году. Точно так же, как и переводчику М.Л. Лозинскому (Кировский проспект, в 1957 г.) или режиссеру Г.М.Козинцеву (ул. Братьев Васильевых, в 1975 г.).

А.П. Чаплыгину мемориальную доску в нашем городе установили в 1940 году, спустя три года после смерти. Л.С. Соболеву и В.Я. Шишкову — спустя пять лет, а детскому писателю Е.И. Чарушину — спустя десять лет после смерти.

Список этот можно было бы продолжать и далее, но, думается, нужды в этом нет, каждый желающий может продолжить его, обратившись к указанному справочнику.

Разумеется, нелепо предполагать, что заместитель председателя Комитета по культуре мэрии Санкт-Петербурга Э.А. Филиппова не знает, кому и в какие сроки устанавливаются в нашем городе мемориальные доски. Думается, что дело тут и не в Э.А. Филипповой, а в самом Николае Михайловиче Рубцове...

Собирая материалы для своей повести о Николае Михайловиче Рубцове «Путник на краю поля», я не раз поражался, насколько для некоторых начальников было ненавистно само это имя. Запомнилась одна резолюция на его ходатайстве: «Рубцову — отказать!»

Так было при жизни поэта.

Ему отказывали в переводе на дневное отделение института. Отказывали в прописке, отказывали в жилье...

Иногда вначале обещали, но потом отказывали...

Но Рубцов сам выбрал для себя эту русскую судьбу и не собирался отказываться. Незадолго до своей гибели он написал:

*Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой...*

Отказывают Николаю Михайловичу Рубцову и сейчас, после смерти.

Хотя это, конечно, не вполне верно.

Ведь и прописка, и жилье нужны были живому Рубцову, а мемориальная доска нужна нам, петербуржцам.

И это не Рубцову отказал Комитет по культуре, он отказал всем нам, русским...

1 июля 1995 года. Санкт-Петербург

НАДУТЫЕ ЩЕКИ

Сегодня утром позвонил издатель «Русской провинции» Миша Петров и попросил съездить с ним в типографию. В типографии не так напечатали открытки, и я должен был изобразить заказчика.

— Ты хоть открытки мне покажи, чтобы я в курсе дела был...

— Зачем? — сказал Миша. — Тебе просто надо сидеть и надувать щеки.

Ну что ж...

Пока «перетирал» Миша с директором типографии «непонятку», я надувал щеки и угрюмо рассматривал ногти на своих растопыренных пальцах.

И то ли вид мой обеспокоил директора, то ли вопрос оказался легкоразрешимым, но переговоры закончились всеобщим удовольствием и согласием.

Покинув типографию, Миша приобрел бутылку водки, и мы отправились к Глебу Горышину.

Говорили, конечно, о «Русской провинции», о том, что здесь не просто печатается хорошая литература, а идет системный поиск народных

самородков. Практически в каждом номере можно найти эти материалы...

Потом водка кончилась.

Миша начал было рассказывать что-то о заведующей сельским клубом, воспоминания которой он сейчас готовит к печати, но Глеб Александрович замолчал, барабанил пальцами по столу, а я надул щеки, как это делал в типографии, и Мише пришлось идти еще за одной бутылкой.

3 июля 1995 года. Санкт-Петербург

СЕРГИЕВ ДЕНЬ

Написал с утра заметку «Сергей Есенины Сергея Алипова».

Потом пошел в издательство «Александр Принт», куда Сергей Карпущенко отнес наш с Сергеем Носовым многострадальный «Русский хронограф».

Эту небольшую на восемь листов книжечку мы составили в 1991 году, и ее сразу купило у нас издательство «Новой газеты» Александра Потехина, выплатило нам гигантский по тем временам аванс, сделало набор, но книгу так и не стало выпускать.

Потом мы продали книжку московскому издательству, но и оно, заплатив нам что положено, приказало долго жить, и «Русский хронограф» остался неизданным.

Я попытался издать «Хронограф», присовокупив его к своей готовящейся к выходу в «Молодой гвардии» книжке «Игрушки русских императоров», но хотя мы и тут получили все деньги, «Хронограф» издавать не стали, более того, он утянул за собою и сами «Игрушки русских императоров».

Напечатал «Хронограф» только журнал «Встреча» (культурно-просветительная работа), растянув публикацию на четыре года.

И вот теперь издательство «Александр Принт» выразило готовность издать «Хронограф».

Правда, было выдвинуто два условия. Во-первых, мы должны продолжить «Русский хронограф» — у нас он завершался расстрелом царской семьи — до наших дней, во-вторых, объем его должен составлять не менее 30 листов.

Когда я сообщил об этом предложении Сергею Носову, он участвовать в переделке книги категорически отказался.

— Это же совсем другая книга получится... — сказал он. — У меня ни времени, ни желания нет

заниматься этой работой.

— Ну что ж... — сказал я. — Придется мне одному делать эту совсем другую книгу.

— А с нашим «Хронографом» что будет?

— У тебя же есть набор, который в «Новой газете» сделали... Попробуй напечатать...

На этом и закончился разговор.

— Какой-то странный день сегодня... — сказал я жене. — Одни Сергейи кругом!

— Сергиев день только через неделю будет, — сказала Марина, — 18 июля...

10 июля 1995 года. Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Приехали в Вознесенье.

Новые времена, опоздав на несколько лет, пришли и в наш поселок.

Еще пару лет назад поселковые мужики посмеивались, дескать, у вас в городе реформы, а мы чего? Корабли ремонтировать надо, без ремонта они ходить не будут, нам беспоиться нечего, да и вообще мы и так проживём со своими огородами...

Сейчас так уже не говорят. Безработица пришла и в поселок, и гораздо более лютая, чем в городе. Там всё-таки куда-нибудь да можно устроиться, а здесь? Здесь устраиваться некуда.

Впрочем, пока мужики не унывают. Пока платят пособие по безработице, кое-кто даже и доволен. А что? Время свободное — хочешь на рыбалку поезжай, хочешь ягоды бери да сдавай, хочешь огородом занимайся или по хозяйству чего мастери.

Ну, а во-вторых, хотя и невелики пособия, но ежели на водку их перевести, а особенно на спирт, то совсем даже и неплохо получится. Спешить никуда не надо. Всему своему времени хозяин...

С утра уже собираются мужики у лодочных гаражей, соображают на двоих, на троих — но это не имеет никакого значения! — всё равно к вечеру все пьяные будут.

— А ты, Серёга, чего? Не будешь с нами?

— Не, мужики... На отметку сегодня идти.

— А-а... Тогда да... Тогда тебе пока никак нельзя сейчас пить. Там с этим делом строго. Ежели пьяный придешь, запросто могут пособия лишить. Мне-то завтра на отметку идти, сегодня выпью, а завтра ни-ни...

И пьют. И толкуют о чем-нибудь умном. И

вполне — много ли русскому человеку надо? — довольны и жизнью, и властью, и погодой, да же если идет с утра нескончаемый дождь.

— Так пособие-то не вечно ведь платить будут, — говорю я. — Или уже на пенсию скоро?

— Куда там скоро! Столько лет еще ждать этой пенсии...

— И что же делать будете через год?

Чешут затылки мужики.

— Кто его знает... Может, через год и переменится всё? Может, снова советская власть будет? В городе-то ничего не слышать про это?

— Да вроде пока не слышать...

— Зря... Ну что тут поделаешь... Видно, последний год и живём тогда.

И сдвигают стаканы по-русски, и пьют, пьют за последний год.

Может быть, за последний год Ельцина, а может быть, свой...

Мужикам всё равно сейчас.

Главное, на отметку завтра прийти трезвыми!

19 июля 1995 года. Вознесенье

МНОГОСЕРИЙНОЕ КИНО

Живем в Вознесенье.

Поставил в большой комнате с прогоревшим полом машинку и начал писать роман «Чужой».

Каждый вечер читал Марине новую главу. Сегодня закончил роман. Когда прочитал последнюю главу, Марина даже расстроилась.

— А как теперь дальше... — сказала она. — Я уже привыкла, что это кино идет многосерийное...

6 августа 1995 года. Вознесенье

НОВОСТИ ПРИВАТИЗАЦИИ

Резко повысилась популярность бейсбола в нашей стране — опять забили бейсбольной битой коммерсанта — коммерческого директора «Сити-Банка» господина Парахина...

Приватизация в стране идет полным ходом.

На даче у дома отдыха «Снегири» зарезали президента Банка «Югорский», члена Высшего совета Российского объединения промышленной партии Олега Кантора...

Возле собственного дома из автомата расстреляли председателя АООТ «Алчевский металлургический комбинат» Николая Скороходова...

Упал с балкона бывший заместитель генерального директора АО «ЛогоВАЗ» Михаил Гафт...

10 августа 1995 года. Вознесенье

ПИСЬМО ИЗ «СЕВЕРА»

Ездил в Санкт-Петербург.

Там письмо от редактора журнала «Север» Олега Тихонова.

«Дорогой Николай Михайлович! За все спасибо. Уже мало кто из серьезно пишущих не дает сохнуть перу.

Великое дело Вы начали. От всей души желаю сил и долготерпения. Бог даст, пока доберетесь до пятой части, улягутся мутные страсти, обожрется пошлятиной книгоиздание, к совестливой и человеческой литературе вновь потянется читатель. Надеюсь, и «Север» до той поры доживет.

Со своей стороны обещаю всяческое содействие. Но вот не озолочу, это точно. Живем в боях за существование — назло, из принципа, не опускаясь.

«Эта грустная вепсская история» идет в октябрьском номере. О сроках для «Семейной хроники» пока ничего не скажу — конец года плотно занят Балашовым.

Всего доброго. «Хроника» читается хорошо — Вы в самой поре для этого нелегкого жанра».

Весь день, пока занимался — получал 3 000 000 рублей, аванс под «Русский хронограф» — делаем, все вспоминал об этом письме.

Такое светлое и доброе...

17 августа 1995 года. Санкт-Петербург

КНЯЖЕСКОЕ ДЕЛО

Сегодня приходил в гости Борис Васильевич Тимофеев-Голицын...

Он принадлежит к древнему роду князей Голицыных, и вся его огромная жизнь, событий которой, кажется, вполне хватило бы на несколько жизней, уместилась в России.

В 1941 году воспитаннику муззвезда Борису Васильевичу Тимофееву было семнадцать лет, он играл на валторне. Когда началась война, его отправили домой, в Ленинград.

Здесь в первую блокадную зиму Борис Васильевич... умер.

Во всяком случае, именно так записано в домовой книге дома номер 63 по Лиговскому проспекту.

Санитары вынесли потерявшего от голода сознание подростка из пустой квартиры и положили вместе с мертвецами на лестничной площадке.

Очнувшись, Борис Васильевич встал и поб-

рел в военкомат. Там его покормили, и он ушел на фронт. Воевал на легендарном Невском пятачке. Был снайпером, шесть раз ходил в штыковую атаку...

— Борис Васильевич! — перебил тут я своего собеседника. — Значит, вам самому приходилось убивать на фронте?

Уже дважды я задавал этот вопрос.

И дважды мой собеседник не отвечал на него. Один раз вообще не обратил внимания на этот вопрос, а в другой раз очень подробно рассказал о технике штыкового удара, где весь секрет заключается в том, чтобы не просто вонзить штык в противника, а вонзить именно на десять сантиметров и сразу же, разворачивая — русский граненый штык наворачивает при этом на себя внутренности противника — выдернуть назад. Если же вонзишь штык глубже, падая, противник неминуемо свалит с ног и тебя... А в штыковом бою главное — на ногах устоять.

И каждый раз разговор, обрастая необыкновенными, захватывающими историями, уклонялся в сторону, но я всё же упорно возвращался к своему вопросу. Когда я повторил его в третий раз, Борис Васильевич уклоняться от ответа не стал.

— Мы сейчас с вами кофе пьем, Николай Михайлович... — сказал он. — Разве я буду запоминать, сколько вы выпили. Мне же это неинтересно. Ну, убил и убил. А сколько человек — это женский вопрос. Мы, Голицыны, убиваем не для того, чтобы убить, а для того, чтобы живыми остаться. Чтобы родные потом не плакали... Для этого в бою и ждем мы, подкарауливаем, когда ошибется противник. Голицыным всегда надо было выживать. Для этого и сохраняются в нашей семье секреты древнего боевого искусства. Передаются веками из поколения в поколение. Мы же не спортсмены. Мы — воины...

На Невском пятачке Борису Васильевичу везло. Ранили его уже под Красным Бором. Накрыло миной... Минометный осколок перебил правое предплечье.

Случилось это 13 февраля 1943 года...

Тем не менее осколок мины, настигший девятнадцатилетнего Тимофеева-Голицына под Красным Бором и сделавший его инвалидом второй группы, не перечеркнул его судьбы.

— В том ранении, — рассказывает Борис Васильевич, — я просто увидел знак судьбы. Еще

при Иване Грозном мой предок Михаил Иванович Булгаков потерял в сражении кисть руки. Он стал тогда носить железную перчатку-голицу. Отсюда и пошла наша фамилия. Так что и ранение у меня родовое...

С этим родовым ранением и закончил он институт, стал геологом, исходил вдоль и поперек Кольский полуостров. Месторождение слюды «Тигемы» открыто им. Борис Васильевич — почетный геолог.

И вот так получалось, что хотя Борис Васильевич жил во времена сталинских пятилеток, хрущевских семилеток, брежневского застоя, но при этом никогда, ни на одно мгновение не переставал ощущать себя прямым наследником древнего рода. И ни большие терроры, ни кукурузные аферы, ни маразм застоя нисколько не мешали ему жить так, как он считал нужным...

И совсем уже невероятным выглядел рассказ Бориса Васильевича о том, что он сумел сохранить секреты древнего боевого искусства князей Голицыных...

Заметив, что это смутило нас — ну какое боевое искусство может сохранить инвалид, переваливший на восьмой десяток? — Борис Васильевич предложил мне и моему приятелю Николаю Тамби вдвоем попробовать повалить его.

Дело происходило у меня в квартире, в моем кабинете, и я без особого восторга отнесся к этому предложению. Кабинет у меня, конечно, неплохой, но для занятий спортом маловат. Книжные полки, картотека, письменный стол, на журнальном столике — чашки с недопитым кофе и, разумеется, повсюду разные безделушки. Для предлагаемого Борисом Васильевичем состязания оставался только пятячок площадью не более двух метров. Чтобы уложить на нем человека, пришлось бы попросить его подогнуть ноги...

Но Борис Васильевич, казалось, и не заметил моего смущения.

— Ну-ну... Смелее... — подбодрил он нас, встав посреди кабинетной тесноты.

Нехотя поднялись и мы.

Попробовали взять неугомонного старичка за руки, но руки его куда-то исчезли. Я увидел их спустя мгновение — одна рука упиралась мне в подбородок, другая сдавливала шею сзади. Николай при этом почему-то снова сидел на диване.

— Вот и всё! — объявил Борис Васильевич. — У

вас, Николай Михайлович, шея сломана, а вы... — он повернулся к Николаю, — уже мертвый. Ещё попробуем?

Мы попробовали еще раз.

И ещё.

Постепенно входя в азарт, пробовали и вернуть Борису Васильевичу руки назад, и шею перехватывали, но результат оказывался прежним, через несколько секунд переваливший на восьмой десяток инвалид второй группы выскальзывал на свободу и уже мы оказывались в его руках.

Потом Борис Васильевич показал фотографии, где он был изображен с титулованными самбистами, дзюдоистами, каратистами из различных стран, но, пожалуй, наглядный урок был более убедительным.

— Мы не уходим от противника... — демонстрируя свои фантастические приемы, объяснял он. — Мы прижимаемся к нему. Мы не спортсмены. Нам не нужны арены. Мы убиваем на одном месте. Видите, мы ведь ничего не поломали тут, ни одна вещь не задета... Главное, не надо никогда спешить, если возникла опасность. Оставайтесь спокойными. Вот так... Рука уже здесь, спина округлилась, голову убираете туда, прижимайтесь, прижимайтесь к ножу, правильно... А тут поторопились, ногу не туда убрали, вдохнули не так... А посмотрите на меня... У меня сбилось дыхание? У меня изменился голос? Я вспотел? Нет. Я специально подобрал некоторые приемы, которые можно показывать, но и они, вы сами видите, очень полезные. Главные же секреты боевого искусства у нас в семье передаются только наследникам. Больше их никто не знает. Мы выбрасываем все лишнее. Мы всегда на одном месте. И мы — совершенно другие люди. Нас с младенчества готовят к войне. Мы никого не убиваем зря...

Сейчас, когда в нашей стране все звания и титулы девальвированы, когда, включив телевизор, обязательно увидишь на экране какого-нибудь кривляющегося женоподобного графа или князя, сами эти титулы порою воспринимают как разновидность дешевой бижутерии, свидетельствующей не столько о достоинствах обладателя их, сколько о его дурном вкусе.

В понимании Бориса Васильевича титул — это не украшение, не привилегии, а прежде всего обязанности. Обязанность сохранить незапятнанным сам свой титул и обязанность

— зачем же и нужны были еще князя? — защищать Отчизну в бою. И, конечно же, обязанность сохранить то, что, помимо справок и удостоверений, и отличает тебя и твой род от прочих «нетитулованных» людей...

Обстоятельства способствуют или не способствуют сохранению твоих льгот или привилегий. А обязанности сохраняются всегда...

Я слушал рассказы Бориса Васильевича, как можно утолить одним крохотным глотком воды жажду; смотрел на фотографии, где с огромным рюкзаком за плечами в одних плавках и поясе, на котором висят нож и пистолет в кобуре, босиком идет Борис Васильевич через тайгу; и думал, что никакая советская власть, никакие большевики не способны были уничтожить то, что пронес в себе из глубины веков русской истории этот человек!

И, конечно, трудно было не вспомнить столь популярную в студенческой среде моей молодости песенку:

*Четвертые сутки пылают станицы,
Потеет дождями донская земля...
Раздайте патроны, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина...*

Нет, эта песенка, под которую столько водки было выпито в годы институтской юности, никакого отношения к настоящим Голицыным, конечно, не имеет.

Этакой местечково-ресторанной печали про «девочек наших», которых ведут в кабинет, никакой настоящий Голицын никогда бы не придумал...

Впрочем, не княжеское это дело — сочинять ресторанные шансонетки.

18 августа 1995 года. Санкт-Петербург

ВОЗНЕСЕНСКОЕ НЕБО

С перерывом на четыре дня, которые я провел в Питере, оформляя договор на «Русский хронограф», уже почти два месяца живем мы в Вознесенье.

Закончил сегодня статью для «Молодой гвардии» про «Поднятую целину» Михаила Шолохова — «Люди против нелюди».

Вышел из дома.

Кругом темная ночь, только в палисаднике в свете, падающем из окон, белые стволы берез.

А высоко над ними, в густой темноте, усеянное звездами небо...

28 августа 1995 года. Вознесенье

ГЛУХОТА

Я часто видел этого человека.

Грузный, немолодой, он стоял обычно возле переправы и смотрел на машины, дожидаящиеся парома, или же сидел в волостной администрации, опираясь на поставленную между ног палку. И всегда он как бы выпадал из общего движения, из общего ожидания. Поэтому и обращал на себя внимание.

Давно я уже собирался спросить: кто это, но всё забывал за делами. И вот теперь он пришёл ко мне. Вошёл в дом и сел на кухне у стола. Грузный. С новеньким орденом Великой Отечественной войны на заношенном, выдавшем виды пиджаке.

Он назвал себя — Михаил Александрович Титков. Инвалид Великой Отечественной войны. Ветеран труда. Пенсионер.

— Вот ведь как получается... — сказал он, заметив, что я обратил внимание на его пиджак. — Вроде и деньги есть, а не купишь ничего. Даже пиджака подходящего в магазине не могу найти. Всё там — зелёное да красное... Как будто на попугая сшитое... Смеются над нашим русским человеком, наверное.

И он посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

Михаил Александрович вздохнул. Пришел он ко мне, конечно, не на пиджак жаловаться, а рассказать, что ему жить негде.

— Как же так получилось? — спросил я.

— Дом я в наследство получил...

— Ну и хорошо... А в чём же проблемы тогда?

— С очереди сняли. Я на квартиру в очереди стоял, а меня выкинули из очереди. Говорят, теперь у тебя дом есть. А что дом? Я восемь месяцев в больнице лежал, а вернулся — вся мебель, все вещи из дому проданы. И печку боюсь затопить — кругом дыры. Сейчас летом ещё ничего, у переезда постою или в поселковом совете посижу — день и проходит. А зима наступит, куда денусь?

Разговаривать с Михаилом Александровичем было не просто. Он очень плохо слышал, и приходилось кричать ему прямо на ухо. Попроше стало, когда он достал свои документы. Да и история, в которую попал Михаил Александрович, оказалась совсем простой, проще некуда...

Я перелистывал его трудовую книжку с его бесхитростной ветеранской жизнью.

Родился он в селе Шустручей.

В 1938 году окончил школу ФЗО в Вознесенье и два года работал на здешнем судоремонтном заводе, пока не призвали в армию.

Войну встретил во Львове, уже 22 июня 1941 года был под бомбежкой. Потом было отступление, пока, раненый, вместе с двумя армиями, взятыми немцами в мешок на Северном Донце, не попал в плен.

Три года провел в немецком концлагере, но и там выжил, после освобождения, после всех проверок, вернулся в 1946 году с полупарализованной ногой в сожженное Вознесенье.

Снова работал трактористом, окончил курсы механиков...

В трудовой книжке, распухшей — не хватало места записывать сведения о наградах и поощрениях — от вкладышей, десятки благодарностей.

За выполнение плана... За доблестный труд... Снова за доблестный труд... За рационализаторские предложения... За освоение новой техники... Снова за перевыполнение плана... За активную работу в добровольной народной дружине... За победы в соцсоревновании...

С 1969 года Титков работал в Вознесенском эксплуатационном СЗРП, преобразованном потом в Вознесенскую ремонтно-эксплуатационную базу флота, до 20 мая 1983 года, того самого дня, когда он вышел на пенсию.

«От всей души желаем вам, Михаил Александрович, доброго здоровья, личного счастья, семейного благополучия, больших успехов в выполнении программы, намеченной XXVI съездом КПСС...» — писала тогда в адресе Титкову администрация, профсоюз, парторганизация Вознесенской РЭБ.

Такая вот, воистину, бесхитростная жизнь.

Работал, воевал, мучился в плену, вернулся в Вознесенье, поселился посреди послевоенной тесноты и нищеты в доме у дяди, работал, растил сыновей. Два сына было у Михаила Александровича.

Старший, окончив школу, тоже в РЭБе работал сварщиком, но десять лет назад — такой молодой! — умер, когда возвращался с работы. Сердце... Жена ненадолго пережила старшего сына. Так и остался Михаил Александрович с младшим. Но с ним проблем больше, чем помо-

щи. Когда Михаил Александрович лежал в больнице, этот сын всё-таки навестил его.

— Что же ты делаешь? — спросил у него Михаил Александрович. — Продаёшь-то из дома всё зачем?

— Надо ведь жить как-то... — ответил сын.

Впрочем, это тоже в прошлом. Сейчас сын — не довела до добра такая жизнь — в заключении. И жаловался Михаил Александрович, конечно, не на сына.

Еще в 1981 году, когда работал в РЭБе и когда получал благодарности за труд, был он принят «на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий», или, говоря попросту, поставлен на очередь на квартиру в каменных благоустроенных домах, которые тогда начала строить РЭБ. И пока работал Михаил Александрович в РЭБе — не кривила душой администрация, желая ему «личного счастья и больших успехов в выполнении программы, намеченной XXVI съездом КПСС» — он мирно стоял не на ветеранской, а на самой обычной очереди. Сняли его с очереди только в 1986 году, когда умер работавший сварщиком в РЭБе старший сын.

Тогда выяснилось вдруг, что ветеран войны и труда Титков М.А. — я цитирую кассационную жалобу нынешней администрации РЭБа на решение Подпорожского городского народного суда 10 марта 1995 года, постановившего восстановить Титкова М.А. в очереди — был, оказывается, принят на учет с нарушением п.п. 15,1 15.5, 15.10.

Поводом для снятия Михаила Александровича с очереди стала смерть его дяди, оставившего ему в наследство свой дом. Руководствовался дядя самыми благими намерениями и, конечно, представить не мог, что именно так оставит племянника на старости лет без всякого жилища. Строго говоря, с юридической точки зрения, завешание никакой силы не имело, поскольку Михаил Александрович так и не вступил в права наследования, но администрации РЭБ нужен был повод, чтобы избавиться от пенсионера, и этим поводом она и воспользовалась. Напомню, что шел тогда 1986 год. Уже вовсю шла перестройка, постепенно превращающая аморальность в норму нашей жизни.

«Кассационная жалоба» нынешней администрации РЭБ, жалоба по существу на полуглухого старика, инвалида войны, ветерана, от-

давшего добрую половину своей жизни этой самой базе флота, тоже поражала своим крючкотворческим цинизмом.

«В суде был представлен акт, что дом требует капитального ремонта, но нет заключения, что дом непригоден для постоянного проживания».

Заключения такого Михаил Александрович Титков действительно не представил. Дом, который завещал ему дядя, старше его самого. Этот дом перевозили с места на место.

Уже в семидесятые годы дом пришел в такую ветхость, что пристань продала Титковым принадлежащую ей в доме половину по стоимости дров. В качестве летней дачи домом еще можно пользоваться, но жить в нем постоянно, жить зимою — невозможно. Тем более больному старику, инвалиду войны, который ни дров для печи, ни воды принести не сумеет.

Во всем этом легко было убедиться, стоило только подойти к дому и посмотреть на него, но администрация РЭБ ведь не устройством судьбы Титкова была озабочена, ей требовалось лишь избавиться от старика.

И об этом тоже прямо было сказано в «Кассационной жалобе».

«Вознесенская база флота,— написано там, — является акционерным обществом. Титков не является акционером предприятия. В соответствии с уставом жилая площадь предоставляется акционерам по решению акционерного собрания, поэтому решить вопрос Вознесенская база флота по восстановлению в очереди Титкова М.А. не может».

Понятно, что Вознесенская РЭБ, как и вся промышленность нашей страны, переживает сейчас далеко не лучшие свои времена. И её акционеры, а проще говоря, рабочие и служащие, отнюдь не процветают, а бьются в нужде. И квартира, которую просит у них Титков, увы, слишком тяжкое бремя. Не от хорошей жизни вынуждена администрация продавать квартиры в своих домах посторонним людям. Опять-таки от нужды. И тут, конечно, не только о Титкове речь, а о миллионах точно таких же стариков, как он, сделавшихся непосильной обузой для нашего подгоняемого нынешними правителями к капитализму общества.

— Ну а что вам в самой-то администрации РЭБ говорят?— спросил я.

— Дак директор РЭБ сам-то прячется от ме-

ня... — вздохнул Михаил Александрович. — А другие чего говорить будут? Езжай, говорят, в дом престарелых. А куда я поеду, если мои все тут похоронены...

Ну да... Что же еще могут предложить, что еще могут посоветовать инвалиду и ветерану в акционерном обществе. Конечно, вроде бы не по совести получается, но ведь и совесть — это не капиталистическая категория. Это оттуда, из того времени, которое отходит в далекое прошлое.

И все равно непонятно, почему суд принял во внимание кассационную жалобу администрации Вознесенской РЭБ и в сентябре решение о восстановлении Титкова в очереди было отменено.

— А вы говорили, что вы инвалид войны? Вы говорили, что дом непригоден для жилья?

— Что? — спросил Михаил Александрович.

Увы... Так и было на том суде. Ни слова не разобрал Михаил Александрович из того, что говорилось при рассмотрении дела.

И это тоже, конечно, метафора.

Суд над глухим стариком...

Вроде бы и формальности все соблюдены. Мог ведь возражать Титков, мог опровергать пункты кассационной жалобы рэбовской администрации, но не возражал, не опровергал, только и услышал, когда прокричали ему на ухо, что в просьбе его о восстановлении в очереди отказано и он может идти домой.

— А что дома-то? — сказал Михаил Александрович, вспоминая про этот «суд». — Боюсь печку затопить — кругом дыры. Сгорю... Куда идти?

Мне нечего было ответить на это Михаилу Александровичу.

Разве только посетовать на всеобщую глухоту, поразившую всех нас в последнее десятилетие, ту глухоту, которая и позволила ловким людям разворовать всю страну, обобрать до нитки весь народ.

Ведь вроде бы и спрашивали нас, были ведь разные выборы...

И глуховато кивали мы, совсем не слыша, не понимая того, на что мы все соглашаемся. А соглашались мы на нищету, на бесправие... И вот, подобно Титкову, спрашиваем теперь, куда идти, и не знаем.

А куда-то надо идти.

Ведь та стабильность, что предлагают нам стремящиеся удержать власть реформаторы, и

есть стабильность немислимых богатств немногих и абсолютной нищеты большинства.

Это та стабильность, которая и была предложена Титкову — жизнь в пустом, насквозь прогнившем и продутом всеми ветрами разворованном доме.

И от кого, от какого дяди получили мы в несчастливое наследство эту глухоту?

2 сентября 1995 года. Вознесенье

ПАНОК

Соседка сошла с ума, и ее увезли в лечебницу, а кота Панка — так его прозвала за высокомерный характер соседка! — забрала тетушка.

Теперь Панок живет у нее.

Отношения с тетушкой у него мирные, хотя тетушка и ворчит на него.

— Чего опять на ушах спишь? — ругается она. — Ляг по-человечески!

— А чего так нельзя, как он спит?

— Не, Николая... — отвечает тетушка. — Примета худая. К покойнику это... А у меня ведь никакого здоровья не осталось.

5 сентября 1995 года. Вознесенье

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТСКИЙ МИЛИЦИОНЕР

Ездил с Толей Стерликовым в деревню Курвоши.

До Ошты мы добрались быстро, но в Оште пришлось ждать совхозного автобуса, который часов в пять должен был отправиться в Курвоши за пастухом.

Толя отправился в магазин купить хлеба, а я присел у ограды большого, несоразмерного с Оштой, братского кладбища.

Здесь я и познакомился с Алексеем Филипповичем Игнатьевым. Этот пожилой, с усталыми глазами человек подошёл ко мне и попросил показать документы.

— А в чём дело? — спросил я. — С какой стати я должен показывать вам свои документы? Для чего?

— Для порядку... — грустно улыбаясь, ответил Алексей Филиппович.

Тут подошел вернувшийся из магазина Толя, и Алексей Филиппович потерял ко мне всякий интерес.

— А-а... — сказал он разочарованно. — Это с вами, значит... Извиняйте тогда...

И отошёл от нас, занялся мужиком, что спешил в магазин.

— Водка уже столько тыщей стоит, а рабочий класс чего от этого имеет? — спросил он.

Мужик испуганно замер.

— Что делать теперь, спрашиваешь? — сказал Алексей Филиппович, хотя мужик ничего не спрашивал. — Когда, спрашиваешь, это кончится? А я тебе так отвечу, прямо и без уверток; пока этот президент у власти, пока мафия у нас правит — ничего хорошего не жди!

— Кто это? — удивлённо спросил я у Стерликова.

— Алексей Филиппович... — засовывая в рюкзак буханки, ответил Толя. — Участковый бывший. Он на пенсии сейчас. Партийной ячейкой руководит. Ты особо на него не обращай внимания. Года три назад его болтом по затылку огрели, травма головы у него...

— Ясно... — сказал я.

Уже в автобусе, спешащем за пастухом в Курвоши, узнал я ещё одну историю, связанную с пенсионером Алексеем Филипповичем.

— Брат-то Кузьмина приходил к нему, дак бутылку приносил... — тяжело вздыхая, начала курвошская старушка рассказ про милиционера Игнатьева и урку Кузьмина. — Брата просил пожалеть, а Алексей Филиппович уперся. Сказал, чтобы забирал свою посуду и уматывал. Такой принципиальный!

И она поджала губы.

Впрочем, тут же продолжила рассказ.

Кузьмин этот, отсидев положенное в лагере, был переведен на вольное поселение, но оттуда, со строек народного хозяйства, убежал. Несколько недель прятался у матери в Оште, в подвале, пока Игнатьев его не выследил.

Поймал и отвёз в Вытегру, где Кузьмину добавили ещё три года лагерей...

— Такая вот жизнь у него через Алексея Филипповича наладилась... — неожиданно завершила свой рассказ старушка. — Тридцати лет ещё не исполнилось парню, а семь — на зоне провёл. Теперь он урка... Недавно приехал, дак выпил и грозился Алексея Филипповича порешить, а ночью-то того... Сам и помер...

Этот рассказ о судьбе тридцатилетнего, отдавшего богу душу оштинского урки Кузьмина снова заставил меня задуматься об Алексее Филипповиче.

Ведь самое примечательное в рассказе старушки заключалось в том, что выслеживал Игнатьев бежавшего со строек народного хозяйство Кузьмина уже на пенсии. Уже не по службе выслеживал, а, так сказать, по призванию.

И тут снова вспомнились мне глаза мужичка, которого Алексей Филиппович остановил на пути к магазину. Такая тоска была в них, что как-то не по себе делалось...

Н-да... Хоть и на пенсии был Алексей Филиппович, хоть и в оппозиции нынешнему режиму, а по-прежнему ощущает себя властителем здешних мест, хозяином человеческих судеб. И не только сам себя ощущал так, но и односельчане его — тоже.

Через пару дней, возвращаясь, я ждал в Оште вытегорского, идущего в наш поселок автобуса.

И снова увидел Алексея Филипповича. Он взглянул на меня, как, должно быть, в свое время смотрел на урку Кузьмина.

Неуютно стало от этого взгляда...

Но тут Алексей Филиппович узнал меня, и сразу погасли охотничьи огоньки в глазах. Сразу как-то погрузнев, Алексей Филиппович зашепшил к старушке, которая, чтобы отдышаться, поставила на лавочку сумку с продуктами.

— Что? — услышал я его голос. — Маленькая, говоришь, пенсия? Правильно — маленькая. А при правителях нынешних скоро цены еще поднимутся, тебе и вообще на хлеб не хватит.

Старушка кивала и всё время оглядывалась по сторонам. Глаза её были испуганными и тоскливыми.

— А кто у вас сейчас новым участковым? — спросил я у женщины, что дожидалась автобуса рядом со мной под козырьком остановки.

— Каким участковым? — спросила она.

— Милиционером...

— Так Алексей Филиппович и будет!

— Он же на пенсии....

— А никого нет больше... Говорят, денег нету, чтобы здесь милиционера держать. Не знаю уж, что и делать будем, если случится с Алексеем Филипповичем чего...

Подошёл наш автобус.

Я уже устроился на своем месте, когда снова увидел Алексея Филипповича.

Он шёл по плохо заасфальтированной улице и

со спины казался совсем старым, плечи его были тяжело опущены.

Наш автобус промчался мимо.

14 сентября 1995 года. Ошта

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Сегодня, подгадав к празднику Рождества Богородицы, ездили с тетушкой на лодке в Карнаволоок, чтобы навестить старушек Клавдию Ивановну Колышкину и Марию Ивановну Митькину.

Этих старушек сестер я помню, кажется, всю свою жизнь. И как бы и не меняются они с годами. Клавдия Ивановна Колышкина — посуше, Мария Ивановна Митькина — покрулее.

У Марии Ивановны муж погиб на войне, у Клавдии Ивановны — ушел.

Жили старушки сестры, сколько я их помню, всегда вместе. Растили детей, строили дом и, конечно, работали. Всю жизнь работали. Катали на лесной эстакаде бревна. Гоняли до Свирицы лесные гонки.

От прошлой непосильной работы руки их сделались сейчас коричневыми — от малейшего удара образуются гематомы.

А вот глаза остались прежними, голубыми, словно озера.

И свет в глазах прежний — добрый и чистый.

Построенный сестрами дом на берегу Свири чем-то очень напоминает их глаза. Заглянешь в него, и спокойнее становится на душе.

Строили его сестры на две половины. Одна половина — Митькиным, другая — Колышкиным. С каждой половины — свой ход, но одно крылечко все время закрыто, а на кухне проделан проход с одной половины на другую. Проход для того, чтобы удобнее было, поскольку живут старушки одной семьёй. Разные крылечки — на случай, если нечаянно поссорятся.

Давно уже не бывал я в этом доме, но вспоминал его часто и всегда почему-то окруженным пылающими золотом листья деревьями, освещенными еще тёплым осенним солнцем... Таким, окруженным теплом и тишиной, встретил нас этот дом и сейчас.

Радостно захлопотали они возле старинного самовара. Самовар был большой и добрый. Отверстия для поддува внизу были сделаны в виде сердечек. И чай из самовара с сердечками тоже очень сердечный, с добрыми разговорами за ним.

Я попытался сосчитать, как часто в разговоре старушек встречается местоимение «я», но так и не дождался его появления.

О себе сестры говорили исключительно во множественном числе. Ходили... Смотрели... Пекли... Копали... Косили...

И так глубоко сознание общности, что уже и болезни, и переживания стали общими.

— Расстроились вчера, дак ночь не спали... И ноги болели!

И только потом, когда начали сестры вспоминать об Остречинах, нахлынувшими воспоминаниями стало размываться старушечье «мы» общей вдовьей судьбы.

Сёстры рассказывали о колхозах и репрессиях, о лагерях и голоде, но — странно! — не было в них ни озлобления, ни гнева. В самые страшные воспоминания врывалось вдруг описание Остречинской ярмарки или какого-нибудь представления в Народном доме.

— А когда этот дом открыли? Кто построил его, не помните?

— Да познай кто... Народу-то богатого хватало в Остречинах.

— А кто самыми богатыми считался? Лапины?

— Не только Лапины... Ваши Поповы тоже не бедствовали! У Ивана Андреевича Попова и пароходы свои были. И школу он строил, и в церковь незнамо сколько жертвовал. На его именины в церкви всегда в большой колокол звонили...

— Это не наши Поповы были... — поджав губы, сказала тётушка.

— Понятное дело, не ваши! — согласилась Мария Ивановна. — Иван Андреевич дядей твоему отцу был... Средний-то брат Николай Андреевич у них в полиции служил. Его и посадили за это. Дак он, как чувствовал, после смерти жены всех детей по родне раздал. Нюрку-то, помнишь, дочку его? Которая у вас жила... А Иван Андреевич самым старшим был. Его не успели крянуть... В доме у него школа была, а потом свирьелаговская больница.

— Это такой белый двухэтажный дом с балконом? — спросил я, вспоминая фотографию замешавшего моего расстрелянного деда прадеда.

— Этот-этот... Да чего вы пирога не едите? К празднику сегодняшнему пекли!

— Какой еще, леший, праздник? — недовольно сказала тетушка, но пирог себе положила на блюдечко.

— Рождество Богородицы, тетушка, сегодня... — укоризненно сказал я. — Престольный остречинский праздник.

— Турка ты, Александра Александровна, турка турецкая... — вздохнула Клавдия Ивановна. — Всё позабыла!

— Вы много запомнили... — непривычно миролюбиво ответила тетушка. — С каких шишей было дедкину брату церкви строить?

— Дак ведь строил... — сказала Мария Ивановна. — Когда церковь-то взорвали остречинскую, мы ездили кирпичи отбирать, сама видела: «Иван Попов» — на каждом кирпиче написано.

— А для чего вы кирпичи отбирали? — спросил я.

— Дак дом тогда достроили, Николай... Печки-то надо класть, вот и ездили с сестрой в Остречины... Разбирали там в воде кирпичи...

— Так у вас из церковных кирпичей печки сложены?

— С тех тоже... — Мария Ивановна перекрестилась. — Не разбирали там, откуда какие кирпичи.

Ну как тут не задуматься о символике семейных совпадений.

Помню, будучи еще школьником, я пошел в лес за грибами, заблудился и только к вечеру сумел выйти на берег в районе Карнаволока.

Здесь, в доме Клавдии Ивановны Колышкиной и Марии Ивановны Митькиной, и отогревался я на печи, сложенной, как узнал сейчас, из кирпичей взорванной остречинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Какой страшный и жутковатый смысл был заложен в спасительном тепле превратившейся в печь взорванной церкви!

Тогда я, разумеется, не постигал этого, просто, задремав на печи, обжёг о раскаленные кирпичи руку...

И вот теперь, в праздник Рождества Богородицы, приехали мы в гости к остречинским старушкам, сидим за столом и едим пирог, выпеченный в печи, сложенной из кирпичей остречинской церкви Рождества Богородицы. Есть в этой символике что-то от ленты Мёбиуса, свернувшейся в единую плоскость.

В Вознесенье возвращались уже вечером.

Тихим и прозрачным был воздух... Словно это сам престольный праздник нашей исчезнувшей Остречинской Атлантиды разливался над рекой.

21 сентября 1995 года. Вознесенье

ПРОПАВШИЕ РУБЛИ

Пропажи этой никто, кажется, и не заметил, и только язык наш сразу чутко среагировал на экономические «успехи» правительства Виктора Степановича Черномырдина.

Спросите у приятеля, сколько он получает...

— Четыреста тысяч, — ответит. — Пятьсот тысяч.... Семьсот...

И в магазине тоже так.

— Почем колбаса?

— Восемнадцать тысяч...

И никто не добавит — рублей.

Просто столько тысяч, а чего — сам должен понять. Не рублей, конечно. Рубль хоть и деревянный, но все-таки рубль у нас был, пока Ельцин не пришел к власти, а сейчас новая денежная единица — «тысяча».

Правда, и она тоже с каким-то опилочным привкусом.

Впрочем, поговаривают, если реформа и дальше будет развиваться столь же успешно, отменят и тысячи.

Поговаривают, что их заменят наши деревянные миллионы.

30 сентября 1995 года. Санкт-Петербург

КОНЧИНА ВЛАДЫКИ

Умер митрополит Иоанн!

2 ноября его привезли на сходняк новых хозяев нашего города в отель «Северная корона», к нему подошли Собчаки, супруга Собчака попросила благословения и...

Так уже бывало в русской истории...

В трагедийной безысходности сопрягаются воедино противоположности. Вспомните «исповедника правды» святого митрополита Филиппа (Кольчева) и кровавого палача Малюту Скуратова, явившегося к опальному Владыке, чтобы получить благословение на казнь Новгорода. Тогда в келье Отрочь-Тверского монастыря Малюта задушил непокорного митрополита.

Нравы были простые и грубые.

Теперь не Малюта Скуратов, а Анатолий Собчак, ощерившийся в своей сходной с оскалом демократической улыбке, стоял перед митрополитом.

Говорят, что Владыка замёрз, разговаривая с Собчаком, он чувствовал только эту вползающую в него со всех сторон стужу...

— Благословите, Владыка... — попросила

супруга Собчака, кандидатка в депутаты Государственной думы по партийным спискам объединения «Наш дом — Россия».

Митрополит поежился от сковывающего его холода и поднял руку для благословения.

Стоявшие рядом с митрополитом Иоанном спутники вспоминали потом, что, когда Владыка поднял руку, возникло такое ощущение, словно он увидел что-то неожиданное.

Он смотрел куда-то сквозь чету Собчаков. Глаза его были широко открыты, и в них застыл ужас.

Нет нужды гадать, что мог увидеть митрополит...

Пальцы Владыки, сжимавшие митрополичий посох, разжались. Владыка, подхваченный сзади келейником Петром, медленно начал оседать, валясь на пол.

Митрополичий посох успели подхватить, не дали ему упасть.

Чета Собчаков, взвизгнув, отскочила от умирающего Владыки...

Как мы знаем из нашей истории, поход Иоанна Грозного на Новгород, хотя и не благословил его святой митрополит Филипп (Кольчев), все равно состоялся. И казнь Новгорода тоже состоялась. Жестоко пытали безвинных новгородцев и, привязав к саням, десятками топили в Волхове.

И для сотен тысяч ограбленных, отброшенных в беспросветную нищету петербуржцев ничего не изменилось в жизни, когда так и не благословил чету Собчаков митрополит.

С точки зрения сиюминутной, практической пользы, никакого значения совершенные двумя митрополитами поступки, разделенные столетиями, не имели, хотя и оплачены были немислимо высокой ценой.

Но есть ведь и другой отсчёт.

И о другой пользе, служащей спасению души, тоже не следует забывать...

Ну а главное, митрополит Филипп (Кольчев) и не был бы «исповедником правды», если бы благословил карательный поход на Новгород. И митрополит Иоанн тоже не был бы тем, кого узнала и кому поверила Православная Россия, если бы спокойно и бестрепетно благословлял всех врагов Отечества и Православия...

Ко Христу отошел он, спасаясь от надвинувшейся на него леденящей стужи...

Ушел из нашего мира великий праведник и молитвенник.

Выкраивая время среди своих многотрудных забот, снова и снова взывал он к нам:

«Люди, люди!.. Несчастные, заблудшие, возлюбленные соотечественники мои... Одумайтесь, исправьтесь, взгляните здраво — на что вы тратите свои силы, ради чего истощаете таланты?... Богатство? Власть? Почет? Что из этого вечно, что сможете вы взять с собой, когда, окончив земной путь, предстанете пред Высшим Судией человеческих поступков, слов и помыслов. Всеведущим обличителем наших тончайших сердечных движений?»

Вспомни, народ русский, страшное в своей непреложности обетование Господа: «В чем застану, в том и сужу!» В чем же ныне застанет нас посещение Божие? В междоусобицах и политических распрях?.. В беспощадной борьбе за посты, чины и деньги — борьбе на развалинах великой державы, нами же преданной и проданной. Державы, созидавшейся из века в век трудами и потом многих поколений наших пращуров, а ныне — в одночасье разрушенной, растерзанной во имя удовлетворения мелких и гадких страстишек... Плачет сердце, глядя на растерзанное, одурманенное Отечество, полнится жалостью и скорбью душа...»

К ночи снегопад утих. Засыпанный снегом город сделался чистым и светлым...

В такую же пору, задушенный Малютой Скуратовым, ушел из земной жизни святой Филипп (Колычев)...

В резиденции тело митрополита Иоанна положили перед входом в домовую церковь на сдвинутые журнальные столики, такие же, что видела накануне во сне Валентина Сергеевна Дюнина.

Столики покрыли ковром. В изголовье перед большим образом Тихвинской Божией Матери поставили икону Иоанна Кронштадтского.

На табуретке горели свечи.

Говорят, что Владыка долго не остывал.

Читавший Евангелие священник в два часа ночи дотронулся до руки митрополита. Рука была теплой...

Эта духовная теплота ощущается и на могиле Владыки. Зима в этом году выдалась холодной, но у могилы возле монастырской протоки тепло...

10 ноября 1995 года. Санкт-Петербург

СОБОРНЫЕ МЫСЛИ

Весь день писал свое выступление для Всемирного русского собора. Так много хочется сказать, а с другой стороны, как вложишь в пять-шесть минут выступления накопившиеся соборные мысли.

Даже голова разболелась, но выступление я написал.

Вечером почитал его по телефону отцу Алексею Морозу.

Взял благословение.

29 ноября 1995 года. Санкт-Петербург

СТОЯНИЕ ЗОИ

Сел с утра за стол, и вдруг что-то зазвенело, зазвенело внутри.

Вначале хотел было заняться другим, но нет...

Начал писать и, по сути дела, написал рассказ, который уже давно думал написать — о стоянии Зои.

Вернее, это рассказ о молодом человеке, которого ждала Зоя и который не пришел на встречу с ней, а еще вернее, этот рассказ — о встрече человека с необычным, встрече, которая могла преобразить его жизнь, если бы он сумел поверить хотя бы своим чувствам и ощущениям.

Но этого не произошло.

Итээровский скепсис помешал герою рассказа поверить в чудо. И это не Зоя застыла, превратившись в статую с иконой в руках, а герой рассказа...

Правда, еще многое прописывать надо в рассказе, но главное, ощущение документальности, по-моему, передать удалось...

30 ноября 1995 года. Санкт-Петербург

ВСЕМИРНЫЙ РУССКИЙ СОБОР

Холодная Москва. Литургия в Успенском соборе Кремля...

Все торжественно до неправдоподобия. Десять митрополитов, патриарх...

Во второй половине дня — открытие Собора в Свято-Даниловом монастыре.

Должно быть, в связи с приближающимися выборами в Думу в работе Собора принимают участие лидеры всех крупных политических партий, и даже сам Виктор Степанович Черномырдин.

Поскольку Борис Николаевич Ельцин пропадает в лечебницах, вместо него теперь охраняют Виктора Степановича.

Столько охранников и собак охранников я еще не видел!

Я проходил мимо одного из помещений, где проходил досмотр подозрительных личностей, дверь распахнулась, открывая для обозрения почти донага раздетую молоденькую журналистку.

Да... Такой ревности в исполнении охранных мероприятий, судя по воспоминаниям, и охрана Иосифа Виссарионовича Сталина не проявляла.

Жалко было женщину, которой на таком сквозняке и холоде раздеваться пришлось, но тут же я прогнал от себя эту неуместную жалость.

Как-никак на кону бесценная жизнь собеседника Шамиля Басаева. Мало ли что могут сделать с ним на Русском соборе.

Неужто безопасность Виктора Степановича не стоит какого-то женского страдания и унижения?

4 декабря 1995 года. Москва

СОБОРЯНЕ

С утра был на молебне Александру Невскому. В храме подошел Валерий Николаевич Ганичев, которому я передал вчера текст своего выступления, и сказал, что выступление мое прочел, оно ему понравилось, он даст мне слово на пленарном заседании.

Впрочем, на заключительное пленарное заседание поднабежало еще несколько запоздавших начальников и для меня времени — увы! — не хватило.

Так и остался мой доклад неоглашенным.

В заключение был устроен прием у Святейшего.

Скоро все распались на кружки, между которыми от одной группы к другой двигался Патриарх со своей свитой.

Я какое-то время держался в компании, которая пила то за поиски пропавшего с пассажирами в Хабаровском крае самолета Ту-154, то за ликвидацию — еще вчера сообщили, что закрыт участок от станции «Площадь Ленина» до станции «Девяткино» — аварии в петербургском метро, а потом отправился искать своих.

Свои ни за метро, ни за авиацию не пили.

Говорили исключительно о духовном.

Запомнилось, как один уже крепко выпивший соборянин грязной пятерней — «Пост, владыка, пост!» — сгреб с блюда, стоящего пе-

ред митрополитом, бутерброды с икрой и засунул себе в рот.

Владыка, однако, не обиделся.

Взял блюдо с рыбой и поставил его перед борником постовой строгости.

— Кушайте, отче... — сказал он.

6 декабря 1995 года. Москва

ПРЕДВЫБОРНОЕ

12 декабря при заходе на посадку во вьетнамском городе Камрань разбились три российских истребителя Су-27 из пилотажной группы «Русские витязи», возвращающейся с международного авиасалона в Малайзии.

Ну, а сегодня ночью в Чечне боевики Салмана Радуева захватили Гудермес.

Зато на Западе сегодня родилось евро...

15 декабря 1995 года. Санкт-Петербург

ПРОЗОРЛИВЕЦ

На выборах в Государственную думу России победила Коммунистическая партия Российской Федерации. Ей насчитали 22 процента голосов. Либерально-демократической партии — 11 процентов, «Яблоку» — семь. Правительственная партия «Наш дом — Россия» Виктора Степановича Черномырдина набрала, как и указывал Борис Николаевич Ельцин, 10 процентов голосов.

НДР потерпела поражение от коммунистов и в одномандатных округах.

Но какой, однако, прозорливый человек Борис Николаевич!

17 декабря 1995 года. Санкт-Петербург

СОН ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Странный сегодня приснился сон...

Что-то говорил Владимир Вольфович Жириновский, рассказывал о чем-то.

Наверное, чего теперь с Россией будет, говорил... Но что? — я не понял.

По-турецки разговаривал Владимир Вольфович...

А Ельцин тоже сидел тут и важно кивал словам Владимира Вольфовича, хотя ведь он вроде бы тоже, как и я, турецкого языка не знает.

И от этого почему-то очень тревожно было.

Вот такой непонятный, весь как будто на турецком языке, сон приснился...

18 декабря 1995 года. Санкт-Петербург

ДОРОГА В ОТЦЫ

Сегодня отмечали сорокалетие отца Алексея. Все гости как-то быстро разошлись, остались только мы с протоиереем Николаем Голвкиным.

И не то чтобы частили с выпивкой, но не пропускали.

И как-то так получилось, что отец Алексей и меня тоже в разговоре отцом Николаем стал называть.

— Да ведь не рукоположен пока, батюшка... — сказал я.

— Это ничего... — успокоил меня отец Николай. — Раз именинник называет отцом, значит, в отцы и дорога!

Судя по выпитому, не такая уж и долгая дорога была.

3 января 1996 года. Санкт-Петербург

НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ

Сегодня объявили, что «отправлен в депутаты» (по партийным спискам объединения «Наш дом — Россия») министр иностранных дел Андрей Козырев.

Сделав такой подарок народу, Борис Ельцин не забыл и о себе.

На новогоднем детском празднике в Кремле он сообщил, что, возможно, будет баллотироваться на пост президента России.

5 января 1996 года. Санкт-Петербург

РУБЦОВСКИЕ ЮБИЛЕИ

А в Вологде у гениального русского поэта Николая Рубцова юбилей...

Шестьдесят лет со дня рождения...

У него была нелегкая судьба.

Ему было шесть лет, когда умерла мать и его сдали в детдом. Шестнадцать, когда он поступил кочегаром на тральщик...

Он служил в армии, вкалывал на заводе, учился.

На тридцать втором году жизни он впервые получил постоянную прописку, а на тридцать четвертом — наконец-то! — и собственное жилье: крохотную однокомнатную квартирку.

Здесь спустя год его и убили...

Было это ровно четверть века назад.

Это тоже юбилей.

Первую книгу Рубцов выпустил в шестьдесят пятом году, а через двадцать лет его име-

нем назвали улицу в Вологде. Ему исполнилось бы всего пятьдесят, когда в городе Тотьма поставили ему памятник.

Юбилей Рубцова... Всегда они отмечаются с необыкновенным размахом.

Вот и сейчас — пригласили гостей и из Москвы, и из Питера, и из Мурманска... Отслужили панихиду на могиле Рубцова, открыли очередную мемориальную доску. Ну, а вершиной праздника стало открытие мемориального музея в Никольском.

Отправились туда на трех автобусах, но в Тотьме, пока осматривали музей, пока заезжали в Спасо-Суморинский монастырь, пока обедали, конечно, задержались и в Никольское приехали уже в потемках. Только ярко горели над Николой звезды да посверкивал синими искорками чистый снег.

И сначала показалось, что мы прямо в рубцовское стихотворение и въехали:

*Не было собак — и вдруг залаяли.
Поздно ночью — что за чудеса! —
Кто-то едет в поле за сараями,
Раздаются чьи-то голоса...
Не было гостей — и вот нагрянули.
Не было вестей — так получай!
И опять под ивами багряными
Расходился праздник невзначай.*

Такое впечатление, словно стихотворение это про нынешний юбилей и написано.

Особенно сильным это ощущение стало, когда уже после банкета погрузились в автобусы и двинулись в обратный путь, и совсем немного и проехали — остановились в поле. Оказывается, было без пяти минут двенадцать и нужно было встречать старый Новый год.

И снова пили, снова водили хороводы, увязая в глубоком снегу, снова провозглашали тосты, и горел костер, и темные тени метались возле него, и летели искры в черное звездное небо...

*Ты прости нас, полюшко усталое,
Ты прости как братьев и сестер:
Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер.
Может быть, последний раз нагрянули,
Может быть, не скоро навестим...*

Чрезвычайно характерно, что поэт не перед домашними своими за причиненное беспокойство, не перед людьми, а перед полем извиняется за ненужность своих друзей здесь, под «гаснувшими ивами», за разлад, что возникает с их появлением в мире, за нарушение сосредоточенного и ясного покоя природы.

И кто-то засомневался было, хорошо ли вот так напропалую гулять, все-таки двадцать пять лет со дня смерти, но тут сразу:

— Не умер Рубцов... Сегодня же только тринадцатое января... Не умер...

И как-то легче на душе стало...

13 января 1996 года.

Никольское— Тотьма — Вологда

ЧЕРНО-ГРЯЗНЫЕ НОВОСТИ

Как тяжело возвращаться в Санкт-Петербург.

В Вологде зима, снег чистый и праздничный, а здесь, в Питере, все чёрное, и не снег под ногами, а непроходимая грязь.

И в телевизоре тоже все чёрное, грязное...

Завершились переговоры с Салманом Радуевым, началась войсковая операция по освобождению заложников в станице Первомайской.

Три дня длился штурм. Разрушены школы, мечеть, более трехсот жилых домов. В ожесточенных перестрелках погибло 26 военнослужащих, 40 заложников и мирных жителей.

Однако боевики Аслана Масхадова нанесли удар в тыл группировки российских войск, и это позволило прорваться из окружения бандитам Радуева. Они благополучно ушли в Чечню, увозя с собою многих заложников. Борис Николаевич Ельцин объявил, что операция по освобождению заложников в Первомайской завершена.

А на окраины Грозного просочились боевики Шамиля Басаева. Взорван кинотеатр «Космос». На ТЭЦ-2 захвачено в заложники 29 русских монтажников из Ставрополя.

Еще чеченцы захватили в турецком порту Трабзон следовавший в Сочи теплоход «Аврасия», на борту которого находились 120 пассажиров и 45 членов экипажа.

А в Москве президент Борис Николаевич Ельцин освободил от должности первого заместителя председателя правительства, главного «приватизатора» России Анатолия Борисовича Чубайса, ставшего обузой в предстоящей предвыборной президентской кампании.

— По существу расставались не с человеком, а с каким-то этапом или даже эпохой в государственной политике... — заявил по этому поводу Юрий Михайлович Лужков... — Ваучеры — это одна из крупнейших афёр Чубайса.

18 января 1996 года. Санкт-Петербург

НАШ «ХРОНОГРАФ»

Вчера у Марины был день рождения, а мы весь день клеили рукопись «Хронографа». Я впечатывал вступления к главам.

Работали всю ночь, и вот сегодня совершилось невозможное, я, как и было оговорено в договоре, отнес рукопись 804 страницы (до 1964 года) в «Александр принт».

Наш «Хронограф» потрясает своей толщиной. 33 авторских листа...

22 января 1996 года. Санкт-Петербург

ПРОРОК И ЖНЕЦ

Многие большие поэты помимо поэтического таланта отмечены и даром пророчества. Способствует этому и особая обостренность восприятия, и стремление возвыситься над бытом, а отчасти, наверное, и сама медиативная ритмика стиха...

Но есть поэты и поэты...

Одни и на самом деле прозревают будущее и свою собственную судьбу.

Другие — не столько пророчествуют, сколько используют пророчество как некий литературный приём, позволяющий усилить эмоциональное воздействие текста.

Пророческий дар, например, был необыкновенно сильно развит в Николае Рубцове.

Вспомните его знаменитое:

Я умру в крещенские морозы.

Я умру, когда трещат березы.

А вот предсказание Иосифа Бродского — поэта, принадлежавшего к рубцовскому поколению:

Ни судьбы, ни погоды не хочу выбирать,

На Васильевский остров я приду умирать...

— не сбылось.

Сегодня передали по радио, что нобелевский лауреат поэт Иосиф Александрович Бродский умер в США, в своей нью-йоркской квартире.

В своей книге «Путник на краю поля» я уже проводил сравнение этих поэтов. Как это ни странно, но в их стихах, датированных началом шестидесятых годов, содержатся почти цитатные совпадения...

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить стихотворение «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» Николая Рубцова со стихотворением «Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам» Иосифа Бродского.

Но если совпадения текстов можно объяснить сознательной полемикой, то совпадение рисунка судеб подобным образом уже не объяснишь.

А совпадение воистину поразительное.

В 1964 году Николая Рубцова исключили из Литературного института, и он вынужден был отправиться в свою нищую вологодскую деревню. А Иосиф Бродский, осужденный как тунец, был выслан в этом же году из Ленинграда в деревню Норинское Архангельской области.

У Бродского своя судьба, а у Рубцова своя.

Нет нужды сблизать эти разные судьбы, но во второй половине шестидесятых годов — времени наивысшего, на мой взгляд, расцвета талантов обоих поэтов — различия эти почти стирались в одинаковой неустроенности и неприкаянности, в одинаковом неумении вписаться в шестидесятническую идеологию застоя...

И так продолжается до 1971 года, в январе которого исполнилось рубцовское пророчество о своей смерти...

Иосиф Бродский прожил в России еще полтора года. Он покинул ее 4 июня 1972 года. Уехал за границу пожинать плоды урожая, который взрастил своим трудом и талантом еще в шестидесятые годы.

Я не берусь утверждать, что у Рубцова или Бродского возникала какая-то мысль о взаимном диалоге... Но это не имеет никакого значения. Диалог совершался помимо их воли в стихах, и именно в контексте этого диалога и звучали другие пророческие стихи Николая Рубцова:

*Все умрём.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом,
А другой — жнецом рождён...
Все уйдём,
Но суть не в этом...*

В жнецах, умеющих не только взрастить, но и собрать взрощенный урожай, ничего подлежащего осуждению, разумеется, нет...

Просто, как утверждал Николай Рубцов, не все рождены жнецами.

Некоторые рождаются, чтобы быть пророками...

28 января 1996 года. Санкт-Петербург

□

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдарея», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

